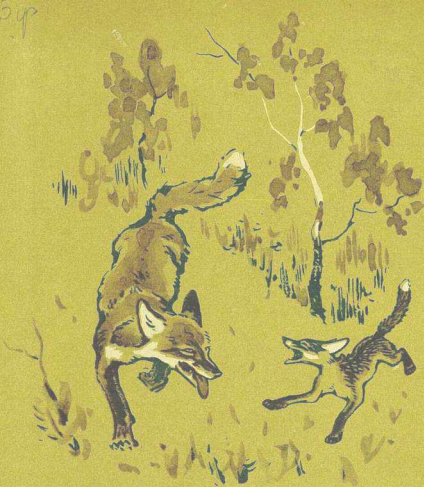

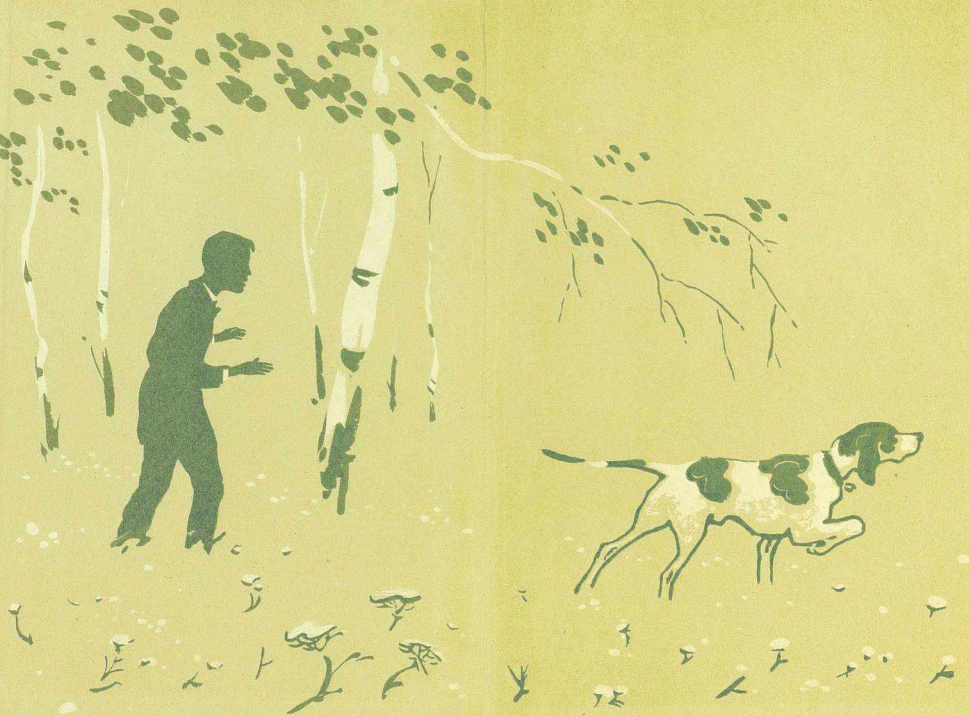
24p

Г. С КРЕБИЦКИЙ

ДРУЗЬЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Д е т г и з . 1958

C-45

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. СКРЕБИЦКИЙ

ДРУЗЬЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Рассказы

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1958

47

59

К читателям

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47,
ул. Горького, 43. Дом детской
книги.

Рисунки В. ФРОЛОВА

694895 № 128

Российская государственная
детская библиотека

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Жаркий день. Палящие лучи солнца пробиваются сквозь густую зелень листвы, обжигают лицо и руки. В горле совсем пересохло, хочется пить, но воды поблизости нет.

Путешественник, напрягая последние силы, прокладывает себе путь среди непроходимых лесных зарослей. Трудна дорога, на каждом шагу бесстрашного исследователя этих дремучих дебрей подстерегает смертельная опасность.

Что там виднеется среди сучьев дерева — причудливо изогнутая ветвь или огромный удав свесил вниз своё гибкое тело и греется на солнце?

Впереди поляна. Последние усилия, и заросли пройдены. Можно передохнуть, прилечь на сочной траве. Но и тут нужно быть начеку. В ближайших кустах мелькнул полосатый бок страшного зверя. Тигр!

Путешественник хватается за ружьё. Стрелять или нет? Убитого тигра уже некуда больше девать: ведь и так в обозе экспедиции двадцать шкур тигров и десять слонов.

Теперь нужно стрелять только ради самозащиты. Секунда томительного ожидания: заметит зверь человека или нет? Не заметил, прошёл мимо, скрылся в кустах.

Усталый путник выбирается на поляну, ложится в траву и внимательно наблюдает за тем, что творится кругом: как разноцветные бабочки и жучки летают и

кружатся возле него, как хлопотливые пчёлы забираются в чашечки цветов и пьют душистый нектар, как трудятся муравьи — волокут сухие травинки в свой муравейник. Всюду кипит напряжённая жизнь, жизнь, полная интереснейших приключений и неожиданностей. Кажется, так бы и лежал весь день, затаившись в траве, вглядываясь в эти густые сочные заросли стеблей и листьев...

— Юрочка! Юра! Ты где там? Иди завтракать! — раздаётся вдруг голос матери.

«Охотник за тиграми» замирает в своём зелёном убежище. Не хочется прерывать игру в путешествие, идти на дачу, пить молоко. Но Юра знает, что мама не перестанет звать, пока он не откликнется. Она не может понять, что он теперь вовсе не маленький мальчик, а отважный путешественник, исследователь непроходимых джунглей.

...Всё это было давным-давно, почти полвека назад, когда я, ещё маленький мальчик, едва только начинал читать по складам.

Первые книги, подаренные и прочитанные мне, были книги о диких зверях и птицах, книги о путешествиях, о чудесной природе тропических и полярных стран.

Я с жадностью слушал чтение матери, часами перелистывал страницы, рассматривал цветные картинки с изображением различных животных, мечтая о том, чтобы и самому сделаться смелым путешественником-натуралистом.

Но до этого было так далеко: нужно ещё подрасти, кончить школу, университет, а пока что я с увлечением играл в путешествия: лесок возле дачи превратил в мечтах в тропические джунгли, толстого ленивого кота Иваныча — в кровожадного тигра, соседских петухов и кур — в павлинов и фазанов, а Джек, добродушный охотничий пёс отца, должен был

изображать целую стаю голодных шакалов, неотступно следующих за экспедицией.

Прошли долгие годы; мечты восьмилетнего мальчика сбылись наяву. Кончена школа, потом институт, и вот я уже не в мечтах, а на самом деле отправляюсь в экспедицию.

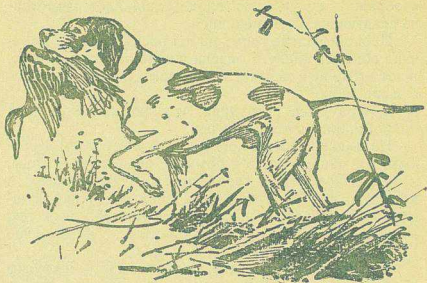
Я — научный сотрудник, изучаю жизнь родной природы, жизнь птиц и зверей.

Но именно теперь, когда я стал уже совсем взрослым, всё чаще и чаще вспоминал свои детские годы, игру в путешествия, своих первых четвероногих и крылатых друзей: Джека, кота Иваныча, ёжика Пушка, сороку Сиротку, скворца Чир-Чирыча... всех тех, кто научил меня любить животных, внимательно вглядываться в их повадки, в их жизнь.

А почему бы не рассказать обо всём этом и другим ребятам, почему бы не попытаться и их заинтересовать жизнью животных, привлечь в ряды юных натуралистов?

С этой целью написана настоящая книга. С этой же целью написаны и все мои книги для ребят.

Пусть они — мои совсем ещё юные читатели — узнают о том, как интересна жизнь любых, даже самых обычных, животных; пусть попробуют внимательно понаблюдать за ними, полюбят их, а через них научатся понимать и любить и всю нашу сказочно богатую родную природу.

→ АЖЕК ←

Мы с братом Серёжей ложились спать. Вдруг дверь растворилась и вошёл папа, а следом за ним — большая красивая собака, белая с тёмно-коричневыми пятнами на боках. Морда у неё тоже была коричневая; огромные уши свисали вниз.

— Папа, откуда? Это наша будет? Как её звать? — закричали мы, вскакивая с постелей и бросаясь к собаке.

Пёс, немного смущённый такой бурной встречей, всё же дружелюбно завил хвостом и позволил себя погладить. Он даже обнюхал мою руку и лизнул её мягким розовым языком.

— Вот и мы завели собаку, — сказал папа. — А теперь марш по кроватям! А то придёт мама,

увидит, что вы в одних рубашках бегаете, и задаст нам.

Мы залезли обратно в кровати, а папа уселся на стул.

— Джек, сядь, сядь здесь, — сказал он собаке, указывая на пол.

Джек сел рядом с папой и подал ему лапу.

— Здравствуй, — сказал папа, потряс лапу и снял её с колен, но Джек сейчас же подал её опять.

Так он «здоровался», наверное, раз десять подряд. Папа делал вид, что сердится, — снимал лапу, Джек подавал снова, а мы смеялись.

— Довольно, — сказал наконец папа. — Ложись.

Джек послушно улёгся у его ног и только искоса поглядывал на папу да слегка постукивал по полу хвостом.

Шерсть у Джека была короткая, блестящая, гладкая, а из-под неё проступали сильные мускулы. Папа сказал, что это — охотничья собака, легавая. С легавыми собаками можно охотиться только за дичью — за разными птицами, а на зайцев или лисиц нельзя.

— Вот придёт август, наступит время охоты, мы и пойдём с ним уток стрелять. Ну, пора спать, а то уже поздно.

Папа окликнул пса и вышел с ним из комнаты.

На следующее утро мы встали рано, напились поскорее чаю и отправились гулять с Джеком.

Он весело бегал по высокой, густой траве, между кустами, вилял хвостом, ласкался к нам и вообще чувствовал себя на новом месте как дома.

Набегавшись вдоволь, мы решили идти играть в «охотников». Джек тоже последовал за нами. Мы сделали из обруча от бочки два лука, выстругали стрелы и пошли на «охоту».

Посреди сада из травы виднелся небольшой пе-

нёк. Издали он был очень похож на зайца. По бокам у него торчали два сучка, будто уши.

Первым стрельнул в него Серёжа. Стрела удари-лась о пенёк, отскочила и упала в траву. В тот же миг Джек бросился к стреле, схватил её в зубы и, виляя хвостом, принёс и подал нам. Мы были этим очень до-вольны. Пустили стрелу опять, и Джек снова при-нёс её.

С тех пор пёс каждый день принимал участие в нашей стрельбе и подавал нам стрелы.

Очень скоро мы узнали, что Джек подаёт не толь-ко стрелы, но и любую вещь, которую ему бросишь: палку, шапку, мячик... А иногда он притаскивал и та-кие вещи, о которых его вовсе никто не просил. На-пример, побежит в дом и принесёт из передней ка-лошу.

— Зачем ты её принёс — ведь сухо совсем! Неси, неси назад! — смеялись мы.

Джек скачет вокруг, суёт в руки калошу и, видимо, вовсе не собирается нести её на место. Приходилось относить самим.

Джек очень любил с нами ходить купаться. Бывало, только начнём собираться, а он уж тут как тут — прыгает, вертится, будто торопит нас.

Речка в том месте, где мы купались, была у берега мелкая. Мы с хохотом и визгом барахтались в воде, брызгались, гонялись друг за другом. И Джек тоже залезал в воду, носился вместе с нами; если же ему кидали в речку палку — бросался за нею, плыл, потом брал в зубы и возвращался на берег. Часто в порыве веселья он хватал что-нибудь из нашей одежды и пускался бежать, мы же гонялись за ним по лугу, стараясь отнять кепку или рубашку. А один раз вот что случилось.

Купались мы на речке вместе с папой. Папа плавал очень хорошо. Он переплыл на другую сторону и стал звать к себе Джека. Пёс в это время играл с нами. Но как только он услышал папин голос, сразу насторожился, бросился в воду, потом неожиданно вернулся, схватил в зубы папину одежду, и не успели мы опомниться, как он уже плыл на ту сторону. Следом за ним, раздуваясь, как большой белый пузырь, тащилась по воде рубашка, а брюки уже совсем намокли, скрылись под водой, и Джек едва их придерживал зубами за самый кончик. Мы просто замерли на месте, боясь, что он упустит одежду и она утонет. Однако Джек ничего не растерял и благополучно переплыл на другую сторону.

Пришлось папе плыть обратно, держа в руке одежду. Просохнуть она, конечно, не успела, и, когда мы вернулись домой, мама, увидев папу, так и ахнула:

— Что случилось? Почему ты в таком виде? Ты что, в речку упал? — Но, узнав, в чём дело, потом долго смеялась вместе с нами.

К Джеку мы очень привыкли, не расставались с ним целые дни и всё мечтали о том, когда же настанет август и папа с Джеком пойдёт на охоту. Папа обещал, что и нас тоже возьмёт с собой.

Каждое утро мы первым делом бежали к отрывному календарю, срывали старый листок и считали, сколько ещё листков осталось до августа.

Наконец остался один, последний.

В этот день папа, как только вернулся с работы и пообедал, многозначительно взглянул на нас и сказал:

— Ну-с, кто желает идти со мной готовиться к завтрашней охоте?

Конечно, повторять приглашение второй раз не пришлось. Мы с Серёжей бросились со всех ног в кабинет и усадились возле письменного стола.

Папа достал из ящика все охотничьи припасы: порох, дробь, гильзы, пыжи — и начал набивать патроны.

Мы смотрели на эти приготовления затаив дыхание. Наконец патроны были набиты и аккуратно вставлены в широкий пояс с узенькими кармашками для каждого патрона. Такой пояс называется «патронташ».

Повесив патронташ на гвоздик, папа вынул из шкафа чехол и не торопясь достал оттуда самую интересную вещь — ружьё. Оно было двуствольное, то есть с двумя стволами. В каждый ствол вставлялся патрон, так что из такого ружья можно выстрелить два раза: сначала из одного ствола, а если промахнёшься, то, не перезаряжая, сейчас же и из другого. Ружьё было очень красивое, с золотыми украшениями. Мы осторожно потрогали его и даже попы-

тались прицелиться, но оно оказалось слишком тяжёлым.

Когда папа набивал патроны, Джек спокойно лежал в уголке на своём коврике. Но как только он увидел ружьё — вскочил с места, начал скакать, прыгать около папы и всем своим видом показывал, что он сейчас же готов идти на охоту. Потом, не зная как ещё выразить свою радость, умчался в столовую, притащил с дивана подушку и так начал её трясти, что только пух полетел во все стороны.

— Что такое у вас творится? — удивилась мама, входя в кабинет.

Она отняла у Джека подушку и унесла на место.

На следующий день было воскресенье. Мы встали пораньше, поскорее оделись и уже ни на шаг не отставали от папы. А он, как нарочно, одевался и завтракал очень медленно.

Наконец папа собрался. Он надел куртку, высокие сапоги, подпоясался патронташем и взял в руки ружьё.

Джек, всё время вертевшийся у него под ногами, пулей вылетел во двор и, радостно взвизгивая, начал носиться вокруг запряжённой лошади. А потом со всего размаху вскочил на телегу и сел.

Папа и мы тоже взобрались на телегу и тронулись в путь.

— До свиданья, смотрите с пустыми руками не возвращайтесь! — смеясь кричала нам вдогонку мама, стоя на крыльце.

Через десять минут мы уже выехали из нашего городка и покатали по гладкой просёлочной дороге, через поле, через лесок — туда, где ещё издали поблёскивала речка и виднелась обсаженная вётвами мельница.

От этой мельницы вверх по берегу речки густо росли камыши и тянулось широкое болото. Там води-

лись дикие утки, длинноносые болотные кулики — бекасы — и другая дичь.

Приехав на мельницу, папа оставил лошадь, и мы отправились на болото.

Пока мы шли по дороге к болоту, Джек держался рядом с папой и всё поглядывал на него, будто спрашивая, не пора ли бежать вперёд.

Наконец подошли к самому болоту. Тут папа остановился, подтянул повыше сапоги, зарядил ружьё, закурил и тогда только скомандовал:

— Джек, вперёд!

Пёс, видимо, только этого и ждал. Он бросился со всех ног в болото, так что брызги во все стороны полетели. Отбежав шагов двадцать, Джек приостановился и начал бегать то вправо, то влево, к чему-то принюхиваясь.

Он искал дичь. Папа не спеша, громко шлёпая по воде сапогами, шёл за собакой. А мы шли сзади, следом за папой.

Вдруг Джек заволновался, забегал быстрее, а потом сразу как-то весь вытянулся и медленно-медленно стал подвигаться вперёд. Так он сделал несколько шагов и остановился. Он стоял не двигаясь, как мёртвый, весь вытянувшись в струну. Даже хвост вытянулся, и только кончик его мелко-мелко дрожал.

Папа быстро подошёл к собаке, приподнял ружьё и скомандовал:

— Вперёд!

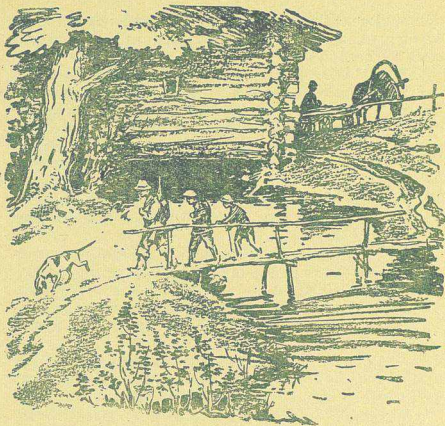
Джек переступил шаг и опять остановился.

— Вперёд, вперёд! — ещё раз приказал папа.

Джек сделал ещё шаг, другой... Вдруг впереди него в камышах что-то зашумело, захлопало, оттуда вылетела большая дикая утка.

Папа вскинул ружьё, выстрелил.

Утка как-то сразу подалась вперёд, перевернулась в воздухе и тяжело шлёпнулась в воду.

А Джек всё стоял на месте, будто замер.

— Подай, подай её сюда! — весело крикнул ему папа.

Тут Джек сразу ожил. Он бросился через болото прямо в речку и поплыл за уткой.

Вот она уже совсем рядом. Джек раскрыл рот, чтобы схватить её. Вдруг всплеск воды — и утки нет! Джек удивлённо оглянулся: куда же она делась?

— Нырнула! Раненая, значит! — с досадой воскликнул папа. — Забьётся теперь в камыши, её и не найдёшь.

Но в это время утка вынырнула в нескольких ша-

гах от Джека. Пёс быстро поплыл к ней, но, как только он приблизился, утка вновь нырнула. Так повторялось несколько раз.

Мы стояли в болоте, у самого края воды, и ничем не могли помочь Джеку. Стрелять ещё раз в утку папа боялся, чтобы не застрелить случайно и Джека. А тот никак не мог поймать на воде увёртливую птицу. Зато он и не подпускал её к густым зарослям камышей, а отжимал всё дальше и дальше, на чистую воду.

Наконец утка вынырнула у самого носа Джека и сейчас же вновь скрылась под водой. В тот же миг Джек тоже исчез.

Через секунду он опять появился на поверхности, держа во рту пойманную утку, и поплыл к берегу. Мы бросились к нему, чтобы поскорее взять у него добычу. Но Джек сердито покосился на нас, даже заворчал и, обежав кругом, подал утку папе прямо в руки.

— Молодец, молодец! — похвалил папа, беря у него дичь. — Посмотрите, ребята, как он осторожно её принёс — ни одного пёрышка не помял!

Мы подбежали к папе и стали осматривать утку. Она была живая и даже почти не ранена. Дробь только слегка зацепила ей крыло, оттого она и не смогла дальше лететь.

— Папа, можно взять её домой? Пусть у нас живёт! — попросили мы.

— Ну что ж, берите. Только несите поосторожней, чтобы она у вас не вырвалась.

Мы пошли дальше. Джек лазил по болоту, искал дичь, а папа стрелял. Но нам уже это было не так интересно. Хотелось поскорее домой, чтобы устроить нашу пленницу.

Когда мы вернулись с охоты, то сейчас же принялись устраивать для неё помещение. Мы отгородили

в сарае уголок, поставили туда таз с водой и посадили утку.

Первые дни она дичилась. Всё сидела, забившись в угол, почти ничего не ела и не купалась. Но постепенно наша утка стала привыкать. Она уже не бежала и не пряталась, когда мы входили в сарай, а, наоборот — даже шла к нам навстречу и охотно ела мочёный хлеб, который мы ей приносили.

Скоро утка стала совсем ручная. Она ходила по двору вместе с домашними утками, никого не боялась и не дичилась. Только одного Джека утка сразу невзлюбила, наверное за то, что он гонялся за ней по болоту. Когда Джек случайно проходил мимо, утка растопыривала перья, злобно шипела и всё старалась ущипнуть его за лапу или за хвост.

Но Джек не обращал на неё никакого внимания. После того как она поселилась в сарае и ходила по двору вместе с домашними утками, для Джека она перестала быть дичью и потеряла всякий интерес.

Вообще домашней птицей Джек совсем не интересовался. Зато на охоте искал дичь с большим увлечением. Он мог по целым дням без устали в жару и в дождь рыскать по полю, отыскивая перепелов, или поздней осенью, в холод лазить по болоту за утками и, казалось, никогда не уставал.

Джек был прекрасной охотничьей собакой. Он прожил у нас очень долго, до глубокой старости. Сперва с ним охотился отец, а потом мы с братом.

Когда Джек вовсе остарел и не мог разыскивать дичь, его сменила другая охотничья собака. К тому времени Джек уже плохо видел и слышал, а его когда-то коричневая морда стала совсем седой.

Большую часть дня он спал, лёжа на солнышке на своей подстилке или возле печки.

Оживлялся Джек только, когда мы собирались на охоту: надевали сапоги, охотничьи куртки,

брали ружья. Тут старый Джек приходил в волнение. Он начинал бестолково суетиться и бегать, тоже, вероятно, по старой памяти, собираясь на охоту. Но его никто не брал.

— Дома, дома, старенький, оставайся! — ласково говорил ему папа и гладил его поседевшую голову.

Джек будто понимал, что ему говорят. Он взглядывал на папу своими умными выцветшими от старости глазами, вздыхал и уныло плёлся на свою подстилку к печке.

Мне было очень жаль старого пса, и я иногда всё-таки ходил с ним на охоту, но уже не для своего, а для его удовольствия.

Джек давно потерял чутьё и никакой дичи найти уже не мог. Но зато он делал отличные стойки на всяких птичек, а когда птичка взлетала, стремглав бросался за нею, стараясь поймать.

Он делал стойки не только на птичек, а даже на бабочек, на стрекоз, на лягушек — вообще на всё живое, что ему попадалось на глаза. Конечно, на такую «охоту» я ружья не брал.

Мы бродили до тех пор, пока Джек не уставал, и тогда возвращались домой — правда, без дичи, но зато очень довольные проведённым днём.

Жил у нас в доме огромный толстый кот — Иваныч: ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, залезет на тёплую лежанку, свернётся клубком и уснёт. Во сне лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит. Из-за этого хвоста Иванычу часто доставалось от нашего дворового щенка Бобки.

Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом откроют — шмыгнёт в комнаты прямо к Иванычу. Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везёт, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему словно по льду покатится. Спросонья сразу и не разберёт, в чём дело. Потом опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберётся. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадушке и поставила на печку, чтобы оно лучше поднялось, сверху ещё тёплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама пошла посмотреть — хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадушке, на мягком, тёплом тесте, как на перине, Иваныч спит. Всё тесто примял и сам весь измазался. Так мы без пирогов и остались. А Иваныча вымыть пришлось.

Налила мама в таз тёплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится — мурлычет, песни поёт. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мышей не ловил. Иногда мышь скребётся где-нибудь рядом, а он и внимания на неё не обращает.

Как-то зовёт меня мама в кухню:

— Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу — Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет: совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крохи, а Иваныч будто пасёт их — поглядывает да глаза от солнца жмурит. Мама даже руками развела:

— Что же это такое делается!

А я и говорю:

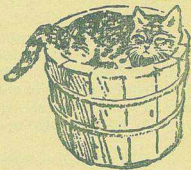
— Как — что? Разве не видишь? Иваныч мышей караулит. Наверное, мышка-мать попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без неё может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, в нём водилось много крыс. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту.

Сидим мы у окна, вдруг видим — по двору бежит Иваныч, а во рту огромная крыса. Вскочил он в окно — прямо к маме в комнату. Разлёгся посреди пола, выпустил крысу, сам на маму смотрит: «Вот, мол, каков я охотник!»

Мама закричала, вскочила на стул, крыса под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать себе отправился.

С тех пор от Иваныча житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдёт, а он

домой спешит, крысу тащит. Принесёт в комнату и выпустит. Потом уж мы так приладились: как он на охоту — сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит крысу по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит крысу и давай с нею играть: подбрасывает, лапами ловит, а то положит её перед собою и любит.

Вот однажды играл он так — вдруг, откуда ни возьмись, две вороны. Сели неподалёку, начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им крысу у него отнять — и страшно вато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся да за вороной, а вторая подхватила крысу — и до свиданья! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя крыс иногда и ловил, но никогда их не ел. Зато он очень любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведёрко на лавку, а он уже тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведёрко, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест. Иваныч даже повадился из аквариума рыбок таскать.

Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушёл в кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч — на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведёрка, вылавливает. Трёх рыбок я потом не досчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать. А как забудешь, сейчас двух — трёх рыбок вытащит. Уж мы не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился. А случилось это вот как.

Принёс я однажды с реки вместо рыбы в ведёрочке раков, поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу прибежал — и прямо в ведро лапой. Да вдруг как потянет назад! Глядим — за лапу рак клешнями ухватился, а за ним — второй, а за вторым — третий... Все из ведёрка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щёлкают. Тут Иваныч глазищи от страха вытаращил, шерсть дыбом поднялась: «Что за рыба такая?»

Тряхнул лапой, так все раки на пол посыпались, а сам Иваныч хвост трубой — и марш в окно. После этого даже близко к ведёрку не подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

Кроме рыбок, у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, ёж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый кот, дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале не мог ужиться.

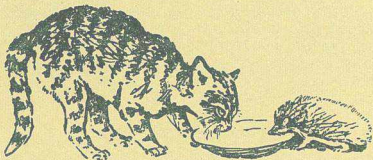
Этого ежа я принёс из леса и пустил в комнате на пол. Ёжик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересовался зверьком. Дружелюбно подошёл к нему и хотел обнюхать. Но ёж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча — он растопырил колючки, подскочил и пребольно кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. Стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел спускаться вниз.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в блюдечко молока и поставила на пол. Иваныч сел около блюдца поудобнее, начал лакать. Вдруг мы видим — из-под шкафа вылезает ёжик. Вылез, носиком потянул, прямо направился к блюдцу. Подошёл и тоже за еду принялся. А Иваныч не убегает — вид-

но, проголодался, косится на ежа, а сам знай молоко пьёт. Так вдвоём всё блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме молочником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ёжик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал бояться. Кон-

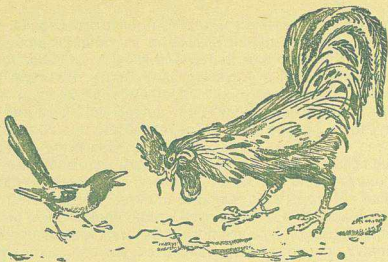
чат еду — у ежа вся мордочка в молоке, а Иваныч возьмёт его и оближет. Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча мы все его очень любили. Нам казалось, что по своему характеру и уму он больше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород — и он за нами, мама в магазин — и он следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада — Иваныч уж на лавочке возле дома сидит, будто нас дожидается. Как увидит, сразу подбежит, начнёт мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой спешит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нём мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживётся на новой квартире и будет убегать на старое место. Но наши опасения оказались совершенно напрасны. Попав в незнакомое помещение, Иваныч начал всё осматривать, обнюхивать, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что всё в порядке, вскочил на постель и улёгся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и уселся, как обычно, рядом с мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру так и не ушёл. Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка — дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

❁ СИРОТКА ❁

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он ещё не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, мочёным хлебом, давали маленькие кусочки варёного мяса; он всё ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жёсткими чёрными перьями. Он быстро научился летать и переселился на житьё из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Со всем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду всё, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко её. Мама даже прозвала её Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот

творогу или мочёного хлеба, проглотит сорока — и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюёт. Учили-учили мы её — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся, бывало, Сиротка, встряхнётся, посмотрит хитрым чёрным глазком на тарелку, нет ли там ещё чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор... Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирает, а её не трогает. Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет тёплыми мочёными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто её покормить не хочет. Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на неё, забормочет: «Это что за безобразия!» — и прочь отойдёт. А потом вдруг захлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоёт: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы её из рук кормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты. Уж она пристаивала-приставала ко всем, никто её не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу заметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они,

как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается! Зовёт, зовёт, потом схватит червяка в клюв, потрясёт им, бросит и опять зовёт — ни за что первый съест не хочет. Даже охрип, а куры всё не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока. Подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясёт им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей второго подаёт. Съела и второго и третьего, а четвёртого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам всё приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!..» Кланяется, клювом червей на земле показывает: «Ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные».

И уж не знаю, как это у них там всё получилось, как он ей растолковал, в чём дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула головку набок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здоровенного червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: «Вот, мол, как по-нашему». Но сорока, видно, поняла, в чём дело, — прыгает возле него да поклёвывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз её Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

Сидели мы как-то с братом зимой в комнате и глядели на двор в окно. А на дворе, у забора, вороны и галки копались в мусоре.

Вдруг видим — прилетела к ним какая-то птица, совсем чёрная, с синевой, а нос большой, белый. Что за диво: ведь это грач! Откуда он зимой взялся? Глядим, ходит грач по помойке среди ворон и прихрамывает немножко — наверное, больной какой-нибудь или старый; улететь на юг не смог с другими грачами, вот и остался у нас зимовать.

Потом каждое утро повадился грач к нам на помойку летать. Мы нарочно хлебца ему покрошим, каши, творожку от обеда. Только мало ему доставалось: всё, бывало, вороны поедят — это уж такие нахальные птицы. А грач тихий какой-то попался. В сторонке держится, всё один да один. Да и то верно: своя братия улетела на юг, он один остался; вороны — ему компания плохая. Видим мы, обижают серые разбойницы нашего грача, а как ему помочь, не знаем. Как его покормить одного, чтобы вороны не мешали?

День ото дня грач становился всё грустнее. Бывало, прилетит и сядет на забор, а спуститься на помойку к воронам боится: совсем ослаб.

Один раз посмотрели мы утром в окно, а грач под забором лежит. Побежали мы, принесли его в дом; он уж еле дышит. Посадили мы его в ящик, к печке, попункой закрыли и дали всякой еды.

Недели две он так у нас просидел, отогрелся, отъелся немножко. Думаем, как же с ним дальше быть? Не держать же его в ящике всю зиму! Решили опять на волю выпустить: может, он теперь покрепче будет, перезимует как-нибудь.

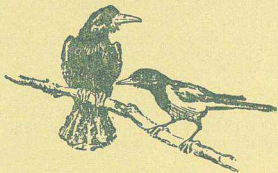
А грач, видно, смекнул, что мы ему добро сделали, значит, нечего людей и бояться. С тех пор целые дни так вместе с курами во дворе и проводил.

В это время жила у нас ручная сорока Сиротка. Мы её ещё птенцом взяли и выкормили. Сиротка свободно летала по двору, по саду, а ночевать возвращалась на балкон. Вот видим мы — подружился наш грач с Сироткой: куда она летит, туда и он за ней. Однажды глядим — Сиротка на балкон прилетела, и грач тоже вместе с ней появился. Важно так по столу разгуливает. А сорока, будто хозяйка, суетится, вокруг него скачет.

Мы потихоньку высунули из-под двери чашку с мочёным хлебом. Сорока — прямо к чашке, и грач за ней. Позавтракали оба и улетели. Так они каждый день начали на балкон вдвоём прилетать — кормиться.

...Прошла зима, вернулись с юга грачи, загалдели в старой берёзовой роще. По вечерам усядутся парочками возле гнёзд, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают. Только наш грач не нашёл себе пары, по-прежнему всюду летал за Сироткой. А под вечер сядут они возле дома на берёзку и сидят рядышком, близко так, бок о бок.

Посмотришь на них и невольно подумаешь: значит, и у птиц тоже дружба бывает.

В доме у нас жил ёжик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушок.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом ёж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, мочёным хлебом. Наестся, бывало, ёжик, заберётся за печку, свернётся клубочком и спит. А вечером вылезет и начнёт по комнатам бегать. Всю ночь бегают, лапками топают, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не побывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал коробочек, настелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Коробочек поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушка.

Было очень хорошо: светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо. Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие верёвки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повёз санки с ежом домой.

Везу — вдруг навстречу ребята: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера, Глядели, как с волка снимали шкуру, как её расправляли на деревянной рогатине.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бросился в сарай, к санкам. Гляжу — лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормошил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замёрз и умер.

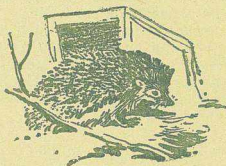
Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

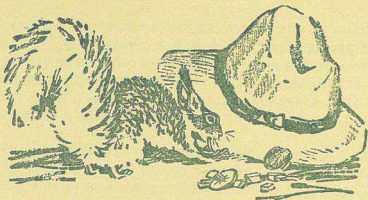
Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча — его поймали у нас в сарае. Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая тёплая! Один раз утром отправился я в сад: там весной особенно хорошо — зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озёра. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это — зверёк? Какой? Изпод тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и с торжеством принёс домой.

ОБЪ ВОРЫШКА

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьёт.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила: заберётся, бывало, на рог и сидит на нём, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдёшь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит — она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете, лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто это из нас сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфе-

та пропал и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь всё будет за-пирать, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щёку трётся, за ухо зубами дёргает — просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку — и опять на шкаф.

«Постой, — думаю, — куда это она хлеб всё носит?» Подставил я стул, заглянул на шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её — вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас ворюшка!»

А отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт.

После такого случая перестали от нас запира́ть сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла.

Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку — сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером, усталые, поели — и скорее спать. Кошёлку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортится до утра.

Утром встаём — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим — все оленьи рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной — всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белка всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

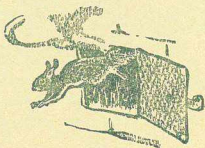
Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы теплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали её — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес. Жалко нам стало нашей белочки.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дрова, подожгли. Вдруг в печке как заводится что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим — тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка себе для гнезда в трубу затащила. Вот ведь какая! Хоть и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

❧ БЕЛАЯ ШУБКА ❧

Один год долго зимой снег не выпадал. Реки и озёра давно льдом покрылись, а снега всё нет и нет.

Зимний лес без снега казался хмурым, унылым. Все листья с деревьев давно опали, перелётные птицы улетели на юг, нигде не пискнет ни одна птичка; только холодный ветер посвистывает среди голых обледе-
нелых сучьев.

Шёл я как-то с ребятами по лесу, возвращались мы из соседней деревни. Вышли на лесную поляну. Вдруг видим — посреди поляны над большим кустом вороны кружат. Каркают, летают вокруг него, то вверх взлетят, то на землю сядут. Наверное, думаю, они там какую-то еду себе нашли.

Стали ближе подходить. Заметили нас вороны — одни в сторону отлетели, по деревьям расселись, а другие и улетать не хотят, так над головой и кружат.

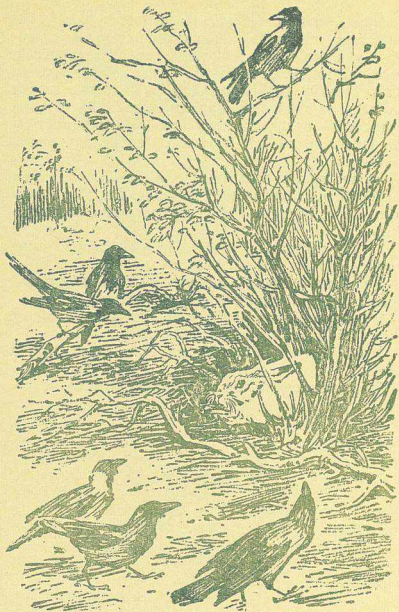
Подошли мы к кусту, смотрим — что-то под ним белеет, а что — сквозь частые ветки и не разберём.

Раздвинул я ветки, гляжу — заяц, белый-белый как снег. Забился под самый куст, прижался к земле, лежит не шевельнётся. Кругом всё серое — и земля и опавшие листья, а заяц среди них так и белеет.

Вот почему он воронам на глаза попался — оделся в белую шубку, а снега-то нет, значит и спрятаться ему, белому, негде. Дай-ка попробуем его живьём поймать!

Просунул я руку под ветки, тихонько, осторожно, да сразу цоп его за уши — и вытащил из-под куста!

Бьётся заяц в руках, вырваться хочет. Только смотрим — одна ножка у него как-то странно болтается. Тронули её, а она переломана! Значит, сильно его вороны потрепали. Не приди мы вовремя, пожалуй, и совсем бы забили.

Забился заяц под самый куст, прижался к земле, лежит но шевельнётся.

Принёс я зайца домой. Папа достал из аптечки бинт, вату, забинтовал зайцу сломанную ножку и посадил в ящик. Мама положила туда сена, моркови, мисочку с водой поставила. Так у нас зайка и остался жить. Целый месяц прожил. Ножка у него совсем срослась, он даже из ящика выскакивать начал и меня вовсе не боялся. Выскочит, побегает по комнате, а как зайдёт ко мне кто-нибудь из ребят, под кровать спрячется.

За это время, пока заяц у нас дома жил, и снег выпал, белый, пушистый, как зайкина шубка. В нём зайцу легко прятаться. В снегу не скоро его заметишь.

— Ну, теперь можно его и обратно в лес выпустить, — сказал нам однажды папа.

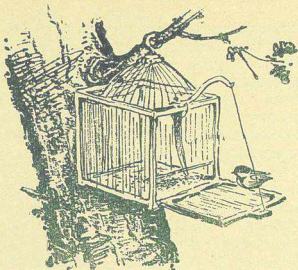
Так мы и сделали — отнесли зайца в ближайший лесок, попрощались с ним, да и выпустили на волю.

Утро было тихое, накануне ночью насыпало много снега. Лес сделался белый, мохнатый.

В один миг наш зайка в заснеженных кустах исчез.

Вот когда ему белая шубка пригодилась!

❧ ДОГАДАМВАЯ СИННИЧКА ❧

В детстве у нас было так заведено: как наступит осень, мы и начинаем ловить птиц для своего живого уголка. Много наловим и рассадим по клеткам.

А весной, только прогреет солнце, побегут по дорогам весёлые ручьи, — тут мы вынесем все клетки во двор, раскроем дверцы и выпустим птичек на свободу: летите в рощи, в леса, вейте гнёзда, выводите птенцов, а осенью опять возвращайтесь к нам на зимнюю квартиру.

Разные птички у нас в клетках зимовали: синицы, щеглы, снегири. Ловили мы их западнёй. Это небольшая клеточка, только дверца у неё устроена, как у мышеловки.

Вот мы, бывало, откроем западню, а к входу палочку-сторожок приставим, чтобы он не давал дверце захлопываться. Внутри конопляных семян насыплем и повесим западню в саду, на сучке дерева.

Прилетят в сад какие-нибудь птички, сядут на дерево, где западня висит, и увидят в ней зёрнышки. Подлетят к западне, полезут внутрь, чтобы зёрна клевать, сторожок зацепят — дверца за птичкой и захлопнется.

Один раз попалась нам в западню синица, да только какая-то бесхвостая. Взяли мы её и выпустили. А через несколько дней она опять попалась. Мы её снова выпустили. Так она за неделю несколько раз в нашей западне побывала. Прыгает, бывало, внутри, зёрнышки поклёвывает, будто она на воле, а не в запертой клетке. Такая уж, видно, смелая! Может, раньше где-нибудь в клетке жила, вот и привыкла. И презабавная была пичужка: без хвостика, совсем кругленькая, как пушистый шарик. Важно так, бывало, в клетке сидит, словно у себя дома.

Мы уж и не знали, что с ней делать. Как в сад ни придём — западня закрыта, а в ней бесхвостая синица сидит, зёрна клюёт. Не даёт нам других птичек ловить, да и только.

А потом попадаться вдруг перестала. Мы думали, не случилось ли с ней что-нибудь, даже пожалели, что её к себе домой зимовать не взяли.

Только однажды утром приходим в сад, смотрим, а наша бесхвостая синичка около западни с ветки на ветку перелетает. Затем на крышку западни уселась, с крышки — на дверцу, а с дверцы прыг прямо в западню, да так ловко, что сторожок и не задела.

Стоим мы под деревом и смотрим, что же дальше будет. Наклевалась синичка досыта конопли, прыг из западни на дверцу и опять сторожок не задела. Посидела на дверце почистила клювик, отряхнулась и улетела. Вот ведь какая догадливая: значит, смекнула, как ей в западню лазить, чтобы дверцу не захлопывать. Так всю зиму у нас и прокормилась.

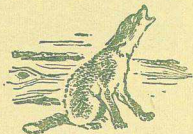
Как-то раз пастухи поймали лисёнка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисёнок был ещё маленький, весь серый, мордочка тёмная, а хвост на конце беленький. Зверёк забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока, поставила тут же, рядом. Но напуганный зверёк молоко пить не стал.

Тогда папа сказал, что лисёнка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

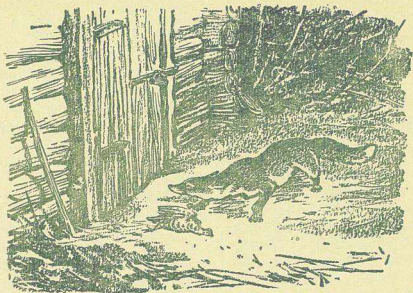
Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом твкает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисёнок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и крадучись подбежала к амбару. Сразу твканье в нём прекратилось, вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрить землю под ним. Но там был крепкий, каменный фун-

дамент, и лиса ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисёнок опять начал скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придёт, велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисёнка. Что такое?.. На пороге, возле самой двери, лежал мёртвый зайчонок.

Я скорее побежал к папе и привёл его с собой.

— Вот так штука! — сказал папа, увидя зайчонка. — Это, значит, мать-лиса ещё раз приходила к лисёнку, принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щёлки и два раза ходил с мамой кормить лисёнка. А вечером я никак не мог заснуть, всё вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно тёмной занавеской.

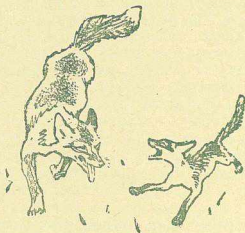
Зато утром я поднялся чуть свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисёнка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детёнышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисёнка куда хотите, — кричали они, — а то с ним лиса всю птицу у нас переведёт!

Делать было нечего. Папа посадил лисёнка в мешок и отнёс назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

Один год мы прожили на Украине, в небольшой станице, среди сплошных вишнёвых садов.

Неподалёку от нашего дома росло старое дерево. И вот однажды ранней весной на него прилетел и уселся аист. Он долго что-то осматривал, неуклюже переступая на своих длинных ногах по толстому суку. Потом он улетел.

А на следующее утро мы увидели, что на дереве хлопотали уже два аиста. Они устраивали гнездо.

Скоро гнездо было готово. Аистиха снесла туда яйца и стала их насиживать. А аист то улетал за кормом на болото, то стоял около гнезда на суке, поджав под себя одну ногу. Так, на одной ноге, он мог простоять очень долго, даже немного вздремнуть.

Когда в гнезде вывелись аистята, для старых аистов начались большие хлопоты. Птенцы были очень прожорливы. Они целый день требовали еды, и аисты-родители по очереди с утра до вечера таскали им из болота лягушек, рыбёшек, ужей.

Пока один из аистов летал за кормом, другой стоял на краю гнезда — караулил птенцов. Как только он замечал подлетавшего к гнезду второго аиста, он закидывал голову на спину и громко трещал клювом, словно трещоткой. Ведь аисты кричать не умеют и приветствуют друг друга, часто-часто щёлкая клювом.

Прилетевший отдавал добычу детям и садился отдыхать у гнезда, а другой аист тут же улетал охотиться за лягушками на болото.

Так аисты целые дни по очереди кормили птенцов. А когда те подросли и стали ещё прожорливее, тут уж оба родителя начали вместе летать и добывать детям корм.

Прошло ещё недели полторы, и вдруг один из аистов-родителей исчез. Что с ним случилось, неизвестно: может, его убили, а может, и сам от чего-нибудь погиб.

Вот когда настала трудная пора для оставшегося аиста! Птенцы стали уже совсем большими. Их было три, и они требовали очень много еды.

Как только начинало светать, аист уже спешил на болото за добычей, приносил её, совал в рот одному из птенцов и, не отдыхая ни минуты, летел обратно на охоту.

Так он трудился до позднего вечера.

Нам было очень жаль бедную птицу, но мы не знали, чем ей помочь.

Один раз мы пошли ловить на речку рыбу. Возвращаемся домой и видим, что все три аистёнка тянут из гнезда свои длинные шеи, открывают клювы, просят есть. А аиста около гнезда нет. Значит, на болоте лягушек ловит.

— Что, если попробовать их рыбой покормить? — предложил мой товарищ.

В тот же миг мы залезли на дерево. Увидев нас, аистята заволновались, засуетились, чуть из гнезда не попадали.

Но вот один из них заметил в руках у меня рыбёшку. Аистёнок потянулся к ней, схватил клювом и проглотил. Другие сейчас же последовали его примеру.

Мы отдали аистятam всю нашу рыбу, слезли с дерева и тут только увидели старого аиста. Он поспешно подлетел к гнезду и стал беспокойно осматривать, всё ли там в порядке.

С этих пор мы каждый день начали кормить аистят: ловили специально для них рыбок и лягушек.

Аистята очень быстро смекнули, в чём дело. Как только мы влезали на дерево, они все разом тянули к

нам из гнезда свои длинные шеи и раскрывали рты, прося, чтобы мы их накормили.

Наконец наши питомцы совсем выросли. Они покрылись перьями и начали вылетать из гнезда. И тут нам от них просто житья не стало — аистята не давали нам проходу. Стоило только показаться на дворе, как они слетали с гнезда и опрометью бросались к нам.

А взрослый аист как будто понял, что и без него дело обойдётся: всё реже и реже приносил детям корм. Большую часть дня он или бродил по болоту, поедая лягушек, или дремал на дереве возле гнезда. Аист дремал на дереве, а в это время аистята гонялись за нами по двору, требуя еды.

Однажды они увязались с нами на болото. Там было много лягушек. Аистята начали ловить их сами и вовсе забыли про нас. С этого дня они каждое утро стали летать на болото — охотиться за лягушками.

Лето кончалось. Все аисты собирались в стаи, готовясь к отлёту. Наши тоже перестали ночевать на дереве у гнезда — наверно, примкнули к какой-нибудь стае, и мы уже начали забывать о своих питомцах.

Помню, как-то раз идём мы с рыбной ловли домой. Смотрим — по лугу разгуливает стая аистов. Заметили нас, насторожились — сейчас полетят. Вдруг видим — от стаи отделяются три аиста и направляются прямо к нам.

— Да это же наши аистята! — обрадовались мы и начали манить их рыбой.

И вот эти большие дикие птицы подбежали к нам, захлопали крыльями, засуетились — так и хватают рыбу из рук!

Схватит рыбёшку клювом, подбросит вверх, перехватит поудобнее и проглотит, а потом от

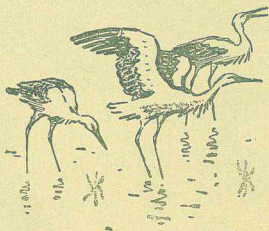
Листята тянули к нам свои длинные шеи и раскрывали рты.

удовольствия даже голову на спину закинет и клювом защёлкает.

Наши аисты рыбу из рук едят, а вся стая издали смотрит. Шеи вытянули, глядят — ничего, видно, понять не могут.

Наелись аистята, клювами нам в благодарность похлопали и обратно к стае вернулись. А мы домой пошли.

Больше мы их не видели. Холодно стало. Улетели они на тёплый юг.

Охотиться я начал очень рано. Когда мне исполнилось двенадцать лет, папа подарил мне ружьё и стал брать с собой в лес и на болото.

Вот как-то осенью возвращались мы с охоты. Слез я с телеги и пошёл рядом — ноги размять. А проезжали мы через лесок. Вся дорога была завалена жёлтыми листьями: они лежали толстым пушистым слоем, шуршали под ногами. Так я и шёл, глядя под ноги и гнал перед собою большую пушистую волну листьев. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то темнеет. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький! Я так и ахнул: ведь только что здесь телега проехала, как же она зайчонка не раздавила?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, зайка, счастливый!

Взял я его на руки, а он съёжился на ладони, сидит дрожит, а бежать и не собирается. «Возьму-ка, — думаю, — его к себе домой, может, он у меня и выживет, а то всё равно погибнет — уж очень поздно родился. Ведь скоро зима настанет, замёрзнет, бедняга, или попадёт лисе на завтрак».

Настелил я в охотничью сумку листьев, посадил туда зайчонка и привёз домой. Дома мама налила в блюдечко молока, предложила зайке. Только он пить не стал — мал ещё, не умеет. Тогда мы взяли пузырёк, вылили туда молоко, надели на пузырёк соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, поводил усами. Мама выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку нос. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда кончик соски и всунули. Зайчонок зачмокал, засосал, да так весь пузырёк и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам, никого не боится.

Прошёл месяц, другой, третий... Вырос наш заяц, совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана, у нас жил старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка. Зимой, когда в доме становилось холодно, придёт, бывало, Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку, свернётся клубочком. Джек сейчас же к нему: уткнётся своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, а сам дышит тепло-тепло, так что Иваныч тоже доволен.

Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко побеспокоился, но скоро тоже привык; а потом все трое очень подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, когда затопят печку. Сейчас же все они к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печки по стенам бегают, а за ними чёрные тени, и от этого кажется, что всё в комнате движется: и столы и стулья будто живые. Дрова в печке горят, горят, да вдруг как треснут — и вылетит золотой уголёк. Тут друзья от печки — врассыпную. Отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивая: «Что случилось?» Потом понемножку успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так. Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг Иваныч Ушана легонько лапой хват! Раз тронет, другой... Заяц лежит-лежит, да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч — за ним, а Джек — за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. А как зайцу надоест, он марш под печку, вот и игре конец.

А перед тем как улечься спать, Ушан каждый раз, бывало, следы свои запутывал. На воле заяц всегда так делает: начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберёшь, куда заяц ушёл. Недаром такие следы называются «заячьи петли». Наткнётся охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал её и убежал.

Вот и наш Ушан каждый день, прежде чем залезть под печку, старался следы свои запутать. Бывало, прыгает взад и вперёд по комнате, выделявает свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака Джек и посматривает на него одним глазом, будто смеётся над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, дружная, тёплая... Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу, выпустить. Посадил я его в корзинку, пошёл в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзинку посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы в лес, вынул я Ушана из корзинки, пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, не бежит, только ушами шевелит. Тут я хлопнул в ладоши. Заяц прыг-прыг! — и поскакал к кустам. Джек увидел — скорей догонять.

А Ушан всё в лес не бежит, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

«Вот, — думаю, — по кустам-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам».

Я на зайца кепкой махнул, кричу:

— Беги в лес, косой! Чего здесь вертишься?

Ушан испугался, поскакал в лес, и Джек за ним.

Подождал я — Джек не возвращается. Только вдруг слышу в лесу заячий крик, ещё и ещё. Я на

крик бросился, добежал, гляжу — а уж Джек держит в зубах Ушана.

Я — на помощь:

— Брось! Что ты делаешь? Ведь это наш Ушан!

А Джек смотрит на меня и хвостом виляет, будто хочет сказать: «Я же тебе зверя поймал, а ты на меня кричишь».

Видно, не узнал он в лесу Ушана, да и схватил, как обыкновенного дикого зайца.

Отнял я Ушана, посадил на траву, а сам Джека за ошейник держу, не пускаю.

Тут и зайка, наверно, смекнул, что в лесу с собакой не поиграешь. Приложил уши — и марш в кусты. Только мы его с Джеком и видели.

Иной раз в начале осени выдаётся редкий денёк. Он весь будто вылит из голубого стекла и разукрашен тонкою позолотой. Прозрачно синее даль, а берёзки на косогоре стоят тоненькие и прямые, как белые свечи. Их вянущая листва так и светится золотым огнём. Синее небо, синяя даль, блеск солнца и разноцветный убор лесов — как всё это походит на какой-то сказочный праздник, на последний привет уходящего лета.

Всё в природе словно прощается с солнцем, с теплом, хочет последний раз нарядиться поярче, чтобы потом надолго снять свой прощальный наряд и запечатать его в кованный серебром тяжёлый сундук зимы.

Вот в такой-то погожий осенний день, помню, бродил я с ружьём и собакой по берёзовым перелескам — охотился на вальдшнепов.

Обошёл одну поляну, другую, третью... Уже начало смеркаться. Ярче горели в осенних сумерках жёлтые свечи берёз. Ветер стих. Наступал вечер.

Я сел на пенёк. Каро улёгся у моих ног; так мы провожали этот тихий лесной денёк.

Неожиданно что-то захрустело вдали, затрещали сучья — всё ближе, ближе... Какой-то хриплый, отрывистый рёв, не то стон слышался в тишине.

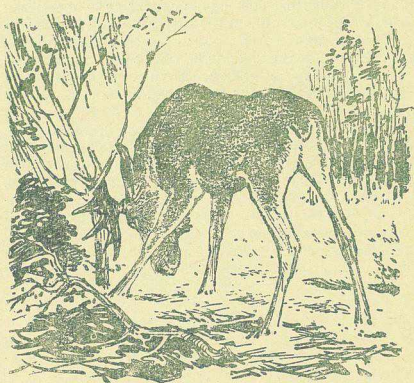
Каро вздрогнул, хотел вскочить. Но я приказал ему оставаться на месте. Ничего страшного: ведь это ревёт мирный лесной великан — лось.

А вот он и сам показался на другом конце поляны и широким шагом направился через неё.

Какой он могучий, с огромными рогами, будто несёт на голове корявый пень с торчащими в стороны сучьями.

Лось был, видимо, возбуждён. Он ревел всё громче и громче и мотал головой в разные стороны.

На его пути — молодая берёзка. Неожиданно лось зацепил её рогом, рванул... Раздался сухой треск будто угасшей свечи, золотая вершинка вспыхнула последний раз, на землю посыпались искры листьев.

И вот уже вместо деревца-свечи, нелепо, словно огарок, торчит обломанный белый ствол.

«Погасив свечу», лесной хозяин грузно зашагал дальше и скрылся из глаз. Но ещё долго потом в чаще леса слышался хруст ветвей и глухой рёв уходящего зверя.

А я смотрел туда, куда скрылся лось, и мне стало как-то не по себе: зачем могучий лесной богатырь так бессмысленно исковеркал, сломал молодое деревце.

«Лесной житель, и сам же портит, ломает лес», — с досадой подумал я, ещё раз взглянув на сломанную берёзку. Она уныло торчала посреди поляны и больше уже не походила на золотую свечу.

Начало быстро темнеть, небо заволокли тучи, подул ветер, праздник природы окончился.

*

Этот маленький, совсем незначительный случай со сломанной лосем берёзкой почему-то надолго остался у меня в памяти. Увидишь, бывало, где-нибудь изуродованное деревце и сразу вспомнишь про ту берёзку.

Прошло больше года. И вот однажды весной я снова забрёл на ту же поляну. Но теперь всё было совсем по-иному, чем в тот памятный осенний вечер.

Было утро, весеннее утро в лесу. Роса ещё не обсохла. Крошечные водяные капли повисли всюду на листьях, цветах, на стеблях травы. Из-за вершин деревьев выглянуло солнце и в тот же миг в каждой капле росы будто зажёгся ослепительно-яркий фонарик. Они были все разные — синие, розовые и голубые. Но больше всего розовых. Весь лес сиял розовым светом.

Это был тоже праздник в лесу, но праздник совсем иной — рождение новой жизни. Теперь вся поляна была покрыта не жёлтыми опавшими листьями, а цветами, тысячами разноцветных цветов. На деревьях шелестела молодая листва, в кустах щебетали птицы, и, словно отсчитывая кому-то много-много счастливых дней, в лесной глуши куковала кукушка.

А вот посреди поляны и сломанная берёзка. За тот долгий срок, который прошёл с нашей первой встречи, деревце уже успело оправиться. Вместо обломанной лосем верхушки оно выпустило вверх целый пучок тоненьких молодых побегов.

Я очень обрадовался, что деревце не погибло. Как

хорошо растут на сломанном месте её побеги; будто сказочный дед-лесовик начал плести зелёную корзиночку, заготовил прутья, собрал их в пучок, да не успел ещё загнуть концы и как следует оплести их.

«Славная работа», — подумал я, трогая деревце. И вдруг из его густой зелёной вершины выпорхнула птица — лесная малиновка.

Я осторожно наклонил берёзку. Так и есть: в развилке ветвей было свито гнездо и в нём лежали розовые яйца.

Отойдя от дерева на другой конец поляны, я стал наблюдать за тем, как малиновка вновь возвратилась в своё гнездо.

Я мысленно представил себе: вот теперь она уже уселась насиживать яйца. Птичка вся распушилась, сидит такая озабоченная, важная; ведь нелёгкое дело вывести и вырастить детвору.

Самочка малиновки сидит, затаившись в гнезде, а её парочка пристроилась неподалёку среди ветвей и распевает громкую песню. Эта песня, по-своему, полесному, говорит о счастье, о красоте жизни, о любви.

И отовсюду кругом, из каждого куста неслась такая же весёлая, счастливая песня.

Глядя на деревце, я вспомнил старого лося и его «злую» проделку. Да он, оказывается, вовсе и не погубил берёзку, не повредил лесу. Случилось совсем иное: лесной богатырь, сам не зная того, просто-напросто помог птице устроить уютное гнёздышко.

От деревни до ближайшего леса дорога шла через широкое поле. Идёшь по нему в летний день — солнце печёт, жара. Кажется, конца-краю нет этому полю.

Но как раз на половине пути, у самой дороги росла зелёная развесистая берёза.

Кто бы из леса в деревню или обратно ни шёл, обязательно сядет и отдохнёт в прохладной тени под старым деревом.

И так это славно бывало: кругом всё поле даже блестит от солнца, а под густой берёзой свежо, прохладно. Над головой зелёные листья шумят, будто зовут присесть и передохнуть немножко.

Вот и прозвали эту берёзу местные жители «Передышкой».

Ранней весной только пригреет получше солнце, а Передышка уже зазеленела, стоит среди поля нарядная, сплошь усыпанная клейкими молодыми листочками.

А осенью Передышка становилась вся жёлтая. Подует ветер, и полетят с дерева золотые листья.

Целые стаи перелётных птиц садились передохнуть на берёзу.

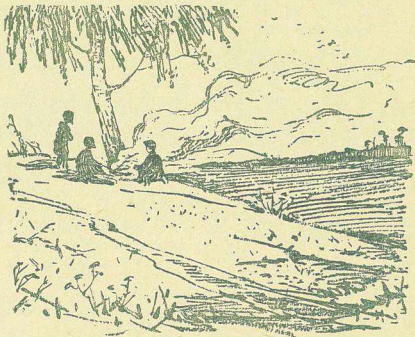
И так уж, бывало, заведено, из года в год, много лет: человек ли идёт из леса в деревню, птица ли откуда-то издали прилетит — для всех берёза посреди поля отдыхом служит.

Но вот однажды осенью возвращались ребята домой с вязанками хвороста. Дошли до берёзки и, как полагается, отдохнуть уселись.

Кругом по-осеннему неприятно: поле пустое, серое, давно уже с него хлеб убрали, только сухое жнивье жёсткой колючей щёткой торчит. А у самой дороги картофельные гряды темнеют. Ботва на

них почернела, дожди да ветры прибили её к самой земле.

Посидели ребята немного под деревом, а потом кто-то из них предложил: «Давайте костёр разведём, погреемся и картошку в золе испечём».

Сказано — сделано. Наломали сухих палок из хвороста, стали костёр разводить, а он не горит, ветром огонь задувает.

— Постойте! — кричит один мальчуган. — Тащите-ка сучья к берёзе. Вон у самых корней будто печурка, там уж костёр не задуёт.

Так и устроили.

С тех пор ребята приладились между корнями берёзы костёр разводить, картошку печь. И огонь разжигать было очень удобно: надерут коры с той же

берёзы, она жарко горит, в один миг костёр разгорится.

Всю кору внизу с дерева поободрали. А между корнями огонь выжег большую чёрную дырку — настоящую печь.

*

Наступила зима. Ребята перестали ходить в лес.

Всё кругом — и поля и леса — засыпал снег. Посреди белого поля виднелась одна только берёза. Её ветви обледенели, покрылись инеем. И когда утром вставало солнце, берёза казалась нежно-розовой, будто нарисованной тонкой кистью на синем фоне морозного неба. Только внизу, у самых корней, по-прежнему чернела обугленная дыра. Но и она теперь не очень была заметна — снаружи её слегка припорошил снег.

Но вот и зима прошла. Потекли ручьи, запестрели в поле проталины, всё кругом зацвело, зазеленело.

И только одна Передышка в эту весну не покрылась густой зелёной листвой. Она стояла голая, потемневшая. Ветер обломал у неё сухие ветви и оставил лишь крючковатые толстые сучья.

— Засохла наша берёзка, не будет теперь Передышки, — говорили в деревне.

А потом однажды приехали на дрогах люди с топором и пилою, свалили сухое дерево и увезли на дрова.

Остался от Передышки один только пенёк, а внизу под ним — чёрная обугленная дыра.

*

Шёл как-то раз лесник из деревни к себе в сторожку, и ребята с ним тоже шли в лес по ягоды. Дошли до середины поля. Жарко, а укрыться от солнца нигде, один пенёк у дороги торчит.

Поглядел на него лесник, рукой махнул.

— У кого ж это, — говорит, — хватило совести Передышку сгубить? Выжгли дыру у самых корней да ещё всю кору со ствола ободрали...

Стыдно стало ребятам. Вот ведь они что по незнанию наделали. Переглянулись между собой и рассказали обо всём леснику.

Тот покачал головой.

— Ну, — говорит, — что было, того не воротишь, а теперь надо вам вашу вину исправлять.

Ребята обрадовались. Только как же её исправить?

— А вот как, — сказал старик: — осенью приходите ко мне в сторожку. Выкопаем мы молодых кустов да берёзок, всю дорогу ими обсадим.

Так и решили. Было это лет десять назад.

А теперь от деревни до леса вся дорога деревьями и кустами обсажена. А посередине пути торчит старый широкий пенёк.

В этом месте по-прежнему все садятся передохнуть. Сидят кто на пне, а кто просто так, на земле, под тенью густых молодых берёзок. И это место зовётся по-прежнему «Передышка».

✿ ГЛАЗАСТЫЙ ✿

В прошлом году я побывал на Волжском водохранилище в заповеднике. Один из его сотрудников, Вячеслав Васильевич, пригласил меня в гости.

Как только я вошёл в его комнату, сразу почувствовал, что здесь живёт натуралист. На письменном столе стояло чучело дикого селезня-гоголя. Чучело было сделано с большим мастерством. Птица казалась живой, вот-вот взмахнёт крыльями и полетит.

— Это моя работа, — сказал Вячеслав Васильевич, заметив, что я внимательно рассматриваю селезня. — И это тоже всё моё изделие, — добавил он, указывая вверх на шкаф.

Я заглянул и увидел, что на шкафу рядком уселся целый выводок северных диких уток — чёрнети.

Вячеслав Васильевич снял со шкафа одно из чучел и передал мне. Уточка сидела на широкой дощечке. И все остальные чучела были сделаны в такой же позе и тоже — на дощечках.

— Мои помощники на охоте, — сказал Вячеслав Васильевич. — Приезжайте осенью, когда пролёт начнётся. Сядем в лодочку, выедем из заповедника на острова и рассадим на воду всю эту компанию. Осенью над рекой то и дело стаи пролётных уток летят. Заметят наших и подсядут к ним. Таким способом я каждый год отлично охочусь.

Пока я рассматривал утиные чучела, Вячеслав Васильевич сходил на кухню, принёс оттуда нарубленное кусочками сырое мясо и целую пригоршню мелких перьев. Усевшись за стол, мой приятель принялся облеплять кусочки мяса перьями.

— Что это вы делаете? — спросил я.

— Готовлю обед моему Глазастик, — ответил Вячеслав Васильевич и тут же начал манить кого-то: — Цы-пси... цы-пси!..

Вдруг из соседней комнаты вылетел сыч и, сделав небольшой круг под потолком, уселся на спинку стула рядом с Вячеславом Васильевичем. Какая это была чудесная птичка: на вид вся мягкая, пушистая, будто комок серой ваты. А глазищи огромные, как два жёлтых цветка. Пролетел сычик по комнате совершенно бесшумно, только в воздухе почувствовалось лёгкое колебание от его мягких совиных крыльев.

Подлетев к хозяину, сычик уселся на стул не совсем удобно — спиной к Вячеславу Васильевичу.

Я думал, что он сейчас же переменит позу, но этого не случилось. Когда Вячеслав Васильевич вновь поманил своего питомца, тот просто-напросто повернул на сто восемьдесят градусов свою голову, будто она была у него на шарнире и могла свободно вращаться по кругу.

— Да ты сам-то повернись, лентяй этакий, — улыбнулся Вячеслав Васильевич, взял птичку в руки и усадил как следует. — Вот так, а теперь давай закусим. — И с этими словами он начал давать сычу куски

мяса, обваленные в перьях. Сычик с жадностью их глотал.

— А зачем вы их перьями облепили? — снова поинтересовался я.

— Видите в чём дело, — ответил Вячеслав Васильевич, — если бы мой Глазастик жил на воле, он сам бы ловил добычу, мышей, и ел бы их с костями, с шерстью. Такие несъедобные вещи необходимы хищным птицам, чтобы раздражать пищеварительные органы и способствовать лучшему усвоению пищи. А потом все эти отбросы в желудке птицы слепляются в комочек — погадку — и птица их выплёвывает. Мы, натуралисты, часто находим в лесу и в поле такие же погадки, затем, придя домой, размачиваем их и определяем по костям, перьям или остаткам шерсти, чем питаются различные хищные птицы. Ну, вот я и облепляю мясо пёрышками, чтобы мой Глазастик лучше усваивал корм, который я ему даю, и мог бы потом, как полагается, выплюнуть погадку.

Всё это слышать мне было очень интересно. Я вспомнил, что в детстве поймал как-то молодого ястреба, держал его в большой клетке и кормил кусками мяса. А вот ни косточек, ни перьев ему с едой не давал. Наверное, поэтому мой питомец очень скоро зачах, стал отказываться от пищи и наконец погиб.

Когда Глазастик наелся, он бесшумно взлетел на полку с книгами и там уселся, очевидно, отдохнуть после сытного обеда.

— Говорят, что совы днём не видят, — сказал я. — Но, судя по поведению вашего сычика, это не совсем верно.

— Да, не совсем, — подтвердил Вячеслав Васильевич. — Конечно, совы видят и днём, только яркий солнечный свет им неприятен, очевидно, раздражает, слепит глаза. А здесь в комнате темновато, Глазастик себя отлично чувствует. Да, кстати, вот

вам ещё пример: летом на севере и днём и ночью светло, но это вовсе не мешает водиться там различным совам. Не могут же они всё лето спать и ничего не есть.

— Верно, верно, — согласился я и тут же вспомнил, как один охотник рассказывал мне, что весной на разливе Камы видел двух филинов, которые белым днём охотились на отмелях за рыбой.

— А откуда вы достали этого сычика? — спросил я.

— Из дуплянки. Мы их для птиц по деревьям развешиваем. В наших домиках гнездятся не только скворцы да галки, — Вячеслав Васильевич указал на чучело гоголя. — Вот и эта публика тоже гнёзда себе в дуплянках устраивает, и сычики иной раз там гнездятся. Стал я как-то осматривать дуплянки, а в одной из них пара сычат, уже большие, все в пуху. Забавные такие, совсем как ватные игрушки. Одного я взял домой, выкормил, выходил, вот какой молодец вырос. Он у меня уже третий год живёт. Прошлым летом я ему и подружку достал, такого же сыча-самочку. Как мой Глазастик ей обрадовался, как за ней ухаживал, ласкал её, пёрышки ей клювом разглаживал. А весной даже токовать начал: усядется, бывало, на шкаф и начнёт распевать, а сам пёрышки топорщит, бодрится, прихорашивается. Потом в уголке ей гнездо из разных лоскутов, бумажек устроил. Только зря бедняга старался: подружка его заболела чем-то, всё время сидела скучная, почти ничего не ела и умерла. Теперь ему нужно другую доставать. Когда в дуплянках птенцы выведутся, подрастут, может быть, и найдём ему подружку.

— А он у вас никуда не вылетает из комнаты? — спросил я.

— На волю его не пускаем, — ответил Вячеслав Васильевич. — Боимся, как бы ещё не залетел куда-нибудь и не пропал. А вот на чердак он летает и даже

очень охотно. Вы знаете, один раз он там мышонка поймал. Откуда уж этот мышонок взялся — кто его знает. У нас в доме мышей нет. Но если б вы только видели, как Глазастик остался доволен. Прилетел со своей добычей в комнату, носил, носил её, и на шкаф и на полку... Потом всего съел до косточки, тогда успокоился. А наутро гляжу: на полу — погадка, настоящая, из мышиной шерсти, из косточек. С тех пор Глазастик частенько на чердак заглядывает; усядется в уголок, сидит тихо-тихо, будто кошка караулит мышей. Только уж больше ему никак не посчастливится: нет мышей! Хоть нарочно лови для него, да на чердак выпускай.

Пока мы так разговаривали, сычик куда-то исчез. Мы этого и не заметили.

Вдруг Вячеслав Васильевич замолчал и прислушался, я тоже услышал: в соседней комнате что-то слегка шуршало.

— Ах, негодник! — махнул рукой мой приятель, быстро вставая и направляясь к двери.

Я последовал за ним.

В соседней комнате на стене было пристроено чучело белки. Зверёк, как живой, сидел на сучке. А на спине у него восседал Глазастик. Острыми коготками он вцепился в шкурку белки, а клювом драл и щипал спинку зверька.

— Пошёл, пошёл вон! — замахал рукой Вячеслав Васильевич. — Ведь вот далась ему эта белка, — чуть заглядишься, уж он её щиплет. Всю спину испортил.

Глазастик отлетел в угол, сел на полку с книгами и оттуда начал приглядываться к нам, забавно поворачивая свою круглую головку то в одну, то в другую сторону. Вид у него был очень недовольный: казалось, он качал головой, сетуя на Вячеслава Васильевича, что тот помешал ему заниматься таким интересным делом.

Хорошее занятие рыбная ловля. Иной раз хоть и ничего не поймашь, зато посидишь на берегу, на солнышке да понаблюдаешь, что вокруг творится. Только одно условие: сидеть нужно тихо.

Прошлым летом пошёл я на речку за окунями; рыба никак не клюёт. Стой, думаю, мы тебя перехитрим. Не хочешь на червяка братья, другую приманку предложим.

Снял я свою соломенную шляпу и тут же на отметили наловил ею, как сачком, мальков. А вот хранить мне их не в чем — ведёрко-то я дома забыл. Не беда. Выкопал в песке у самой реки ямку, вода в неё сразу же набралась, и пустил туда рыбок. Отличный «аквариум» получился.

Двух мальков вместо червей на крючки насадил. Попробуем: не будет ли окунь на эту насадку братья. Опять жду, и опять ничего не клюёт. Я даже слегка задремал под кустом.

Вдруг вижу — летит над речкой зимородок. Птица такая; немножко побольше воробья. Очень красивая птица: брюшко оранжевое, спинка ярко-зелёная, а нос длиннющий, прямой, как палочка. Им зимородок без промаха мелких рыбёшек хватает.

Подлетел зимородок к моим удочкам и уселся прямо на удилище. Меня и не замечает; сидит, в воду поглядывает.

Потом кинулся вниз, да не в речку, а прямо в мой «аквариум», выхватил оттуда рыбёшку и опять на удилище сел. Проглотил, отряхнулся, второй раз туда же — нырь. Поймал другую рыбку, есть не стал, а улетел с нею куда-то.

Эх, жалко, пусть бы ещё половил, уж очень он занятый. А мальки мне всё равно ни к чему и на них окуни не берутся.

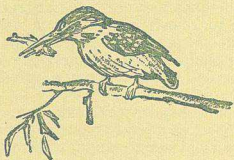
Только я об этом подумал — гляжу, а мой длинноносый рыбак уж опять тут как тут, да не один, и второй следом за ним явился — птенец; ещё как следует летать не умеет.

Уселись оба рядышком на удилище. Потом «старый рыбак» ныр в мой «аквариум», вытащил рыбку и к птенцу. Тот рот широко разинул: давай, мол, еду. А еду давать нетрудно, она тут же вот рядом, только бери.

Сунул старый зимородок птенцу в рот пару рыбёшек. Смотрю, и малыш тоже начал вниз поглядывать. Глядел, глядел да как бросится! Цоп клювом рыбёшку, взлетел на удилище, голову вверх запрокинул, с таким аппетитом свою первую добычу глотает.

Теперь ему нечего ждать, когда его кто покормит — сам научился рыбу ловить. Тут уж они вдвоём взялись за моих мальков, в один миг всех переловили.

А я ни с чем остался, ни одного окуня не поймал. Не беда, я доволен: разве часто увидишь такую картинку?

Как только в воздухе запахнет весной, потянут с юга перелётные птицы, тут с нами, охотниками, начинается твориться что-то неладное. В эту пору охотника сразу можно узнать и отличить от обыкновенного человека.

Вот посреди мостовой стоит пожилой человек и, подняв кверху лицо, взволнованно шепчет: «Раз, два, три... пять... восемь... одиннадцать...»

Кругом несутся автомобили, обдают потоками грязи, а он всё смотрит и смотрит вверх и считает: «Двенадцать... пятнадцать... семнадцать...»

— Гражданин, — трогает его за плечо какая-то сердобольная женщина, — тебе что — померещилось что-нибудь?

Но он, не отвечая, продолжает считать: «Двадцать... Двадцать два, двадцать три...» И так он будет стоять и глядеть вверх как зачарованный, пока вереница гусей не скроется в голубой весенней дали.

В эту пору и самих охотников неудержимо тянет вслед за птицами в леса, на разливы озёр и рек, туда, где природа справляет весёлый праздник весны.

Хорошо тогда сидеть с ружьём в шалаше на берегу тихой заводи и подкарауливать диких селезней. А чтобы подманить их к шалашу, охотник пускается на хитрость: он сажает на воду перед шалашом привязанную за ногу ручную утку.

Утка покрякивает, селезень подлетает. Только стреляй вернее, не промахнись.

У кого есть ручная, или, как её охотники называют, «подсадная» утка, тот охотник — счастливец. Ну, а как же быть тому, у кого такой утки нет? Тут уж надо идти на двойную хитрость: вместо живой утки сажать на воду чучело (деревянное или резино-

вое), а чтобы ветер его не угнал, снизу привязывать на длинной верёвке грузик.

Крякать такое чучело, конечно, не может, поэтому приходится самому. Одни охотники крякают в манок, другие просто в кулак, кто как сумеет. Но всё-таки как ни крякай, а вот как настоящая утка — никогда не сумеешь. Охота без утки плоха ещё тем, что чучело сидит на воде неподвижно. На то оно и чучело. Хорошо, если есть ветерок, тогда деревянная уточка плещется на волнах, будто живая. А когда ветер стихнет, чучело торчит на воде, как колчушка, к нему никакой селезень не подлетит.

Долго думали мы — охотники-безутятники, как бы нам «оживить» нашу приманку. Наконец кто-то придумал и напечатал в журнале отличный способ: к той самой бечёвке, на которой подвешен к чучелу грузик, надо ещё привязать сбоку тоненький поводок с крючком, а на крючок прицепить живую рыбку. Рыбка будет дёргать за поводок, и чучело начнёт шевелиться, будто живая утка. Просто и хорошо.

...И вот я уже сижу в шалаше, а передо мной на неподвижной воде весело плавает моя «ожившая» уточка. На крючок я прицепил шустрого карасика, он живой, энергичный, так и дёргает за бечёвку.

Я достаю из сумки манок и начинаю усиленно крякать. Крякаю полчаса, крякаю час... И вдруг откуда-то издали слышится ответный крик селезня. «Шварк, шварк», — отвечает он мне и, свистя крыльями, опускается на воду... Как он хорош в своём весеннем наряде: голова сизая, грудь тёмно-коричневая, а спина серая с синим зеркальцем на крыле.

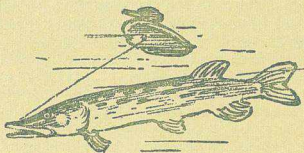
Высоко подняв голову и зорко оглядываясь, он плывёт всё ближе и ближе к моей уточке. Ещё секунда — и можно стрелять.

Но тут происходит что-то невероятное: моя деревянная утка неожиданно бросается в сторону, ныряет,

вновь появляется на воде и во всю прыть пускается наутёк.

Чучело «ожило». Забыв об охоте, я выскакиваю из шалаша. Селезень улетает. Но я уже и не думаю о нём, бегу к лодке и пускаюсь в погоню за уткой. Не тут-то было: она удирает и от меня. С трудом настигаю беглянку, хватаю за шею, тащу из воды, утка упорно сопротивляется. Наконец она в лодке, но какая-то невидимая сила пытается вырвать её у меня из рук и утащить обратно в воду. Я хватаюсь за бечеву и после короткой борьбы подтаскиваю к лодке крупную щуку. Ещё миг — она обрывает бечёвку и скрывается под водой.

Вот и конец. Я сижу в какой-то растерянности, сам не могу понять, кто же я: охотник или рыбак? А впрочем, не всё ли это равно, главное то, что у меня нет ни щуки, ни селезня. Получилось совсем как в пословице: «За двумя зайцами погнался, ни одного не поймал».

❧ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СТОРОЖ ❧

В субботу вечером я сидел за столом и читал. Вдруг распахнулась дверь, в комнату вбежал мой товарищ, Николай, с огромной немецкой овчаркой.

— Здравствуй, — поздоровался он. — Сто лет не видались.

Я очень обрадовался приятелю. Николай — самый весёлый из моих товарищей. Он, как мальчишка, вечно готов что-нибудь натворить, набедакурить.

— Познакомься, — сказал Николай, — мой новый друг — Джек. Живём душа в душу.

Я оглядел Джека и невольно подумал: «Внушительный пёс, настоящий волк: весь серый, морда острая, уши торчком и хвост, как у волка — пушистый, висит поленом».

Мы с Николаем сели за стол, а Джек улёгся на коврик. Он положил голову на передние лапы и глядел на нас суровыми умными глазами. Казалось, он хотел сказать: «И о чём они так много болтают, наверное, всё о пустяках».

— Ну, как тебе нравится мой Джек? — спросил Николай.

— Хороший пёс, — похвалил я. — Видно, умница.

— У-у-у... та-кая умница; ты ещё не знаешь! Вот, познакомись поближе — сам убедишься. И сторож какой: в комнату без хозяина кого хочешь впустит, а уж обратно... извини...

Мы проговорили весь вечер. Наконец, собираясь уходить, Николай сказал:

— Собственно, я к тебе за делом. У меня просьба.

— Какая? — спросил я.

— А вот такая: мне завтра утром нужно срочно уехать в командировку недели на две. Нельзя ли у тебя на это время оставить Джека?

Я запротестовал:

— С кем же он целый день останется, ведь я на работе.

— Не беда, — перебил Николай. — Он у меня за-творник. Я ведь тоже целый день на работе. По край-ней мере, у тебя сторож в комнате будет. Ещё, гляди, так подружитесь — водой не разольёшь...

Уговорив меня, Николай вывел пса погулять, по-том собрался домой.

— А ты, Джек, останься здесь. Здесь лежи, — приказал Николай.

Собака поглядела на него понимающим взглядом и улеглась на коврик.

— Да стереги получше, чтобы краснеть за тебя не пришлось, — наставлял Николай.

Простившись со мной, он ушёл. А я лёг спать.

На следующий день было воскресенье, и я решил поехать к знакомым на дачу.

«Вот хорошо, что Джек останется. Уж, наверное, не обкрадут», — подумал я.

Джек, как и вчера вечером, лежал на коврике и внимательно глядел на мои приготовления.

— Ну, пойдём погулять, — позвал я его, направ-ляясь к двери.

Но едва я взялся за ручку двери, Джек вскочил и с грозным рычанием преградил мне дорогу. Я остано-вился. Джек тоже стоял в угрожающей позе.

— Что ты, ошалел, что ли? Пшёл вон! — нереши-тельно прикрикнул я.

Но пёс и ухом не повёл. Он не позволял выйти из комнаты. «Что же делать?» Я оказался взятым под стражу. Вначале я пробовал усовестить, уговорить Джека, даже хотел подкупить сахаром или печеньем. Ничего не помогало. Тогда мною овладело отчаяние. Неужели придётся сидеть здесь две недели, пока вер-нётся товарищ? Да ведь за этот срок и я и Джек умрём с голоду, интересно только — кто первый.

Не знаю, сколько времени я так просидел, но вдруг за дверью послышались шаги. В квартиру кто-то вошёл.

«Вот история, — подумал я, — значит, Николай, уходя вчера, не захлопнул на замок входную дверь».

Я прислушался. Шаги приближались. Кто-то быстро шёл ко мне. Не успел я крикнуть, предупредить об опасности, как в комнату уже входил мой сослуживец Иван Сергеевич.

Джек не двинулся с места. Он только значительно поглядел на вошедшего и самодовольно облизнулся. Казалось, он желал этим сказать: «Иди, иди, голубчик, тебя здесь только и не хватало».

Иван Сергеевич тяжело дышал, вытирая платком лоб.

— Здравствуйте! Запыхался... лез к вам на пятый этаж. Едемте с нами на дачу.

Я мрачно ответил:

— Никуда мы с вами больше не поедem.

Иван Сергеевич с любопытством взглянул на меня.

— Почему так?

— А вот попробуйте-ка выйти из комнаты.

Он в недоумении пожал плечами, сделал шаг к двери... Но тут же в ужасе отскочил в дальний угол.

А Джек, пугнув смельчака, опять улёгся на прежнее место.

— Что ж теперь делать? — растерянно проговорил Иван Сергеевич. — Я ведь из дому на минутку... за папиросами... даже не сказал, что к вам зайду. Сестра подумает — попал под машину...

— Да-а, и вам не скоро придётся её успокоить.

Иван Сергеевич с опаской покосился на Джека:

— Откуда вы этого изверга взяли?

— Товарищ просил подержать до его возвращения.

Иван Сергеевич облегчённо вздохнул:

— Ну, это другое дело. Тогда посидим, подождём, пока он вернётся.

При всей печальности нашего положения я не мог не рассмеяться.

— Боюсь, что это вас мало устроит: он вернётся через две недели.

Иван Сергеевич схватился за голову:

— Да ведь мы же умрём с голоду.

— Я уже сам об этом подумывал. Ничего, потерпим пока. У меня в буфете есть хлеб, масло, сахар, даже печенье.

— Нет, это невозможно, — решительно возразил Иван Сергеевич. — Нужно не сидеть сложа руки, а действовать.

Он встал и, опасливо озираясь на Джека, прошёлся вдоль стены.

Пёс лежал на коврике, положив голову на лапы, и, не спуская глаз, следил за нами.

— У-ух, ты какой, — поёжился Иван Сергеевич. — Кажется, разорвёт сейчас. Слушайте! — вдруг воскликнул он. — Давайте стучать в стену.

— Бесполезно: соседи уже с месяц на даче. Здесь хоть из пушек пали — никто не услышит.

— Да, да, положеньице, нечего сказать, — вздохнул приятель. — Хоть бы записку в окно бросить или покричать... — Он подошёл к окну.

Джек сейчас же насторожился. Косясь на собаку, Иван Сергеевич робко заглянул через стекло.

— Шут знает что — крыша какая-то внизу... Отсюда никого не дозовёшься. Он сокрушённо махнул рукой: — Квартира у вас какая неудобная: ни вылезти, ни крикнуть.

Я ответил, что, собственно, и не выбирал квартиру, чтобы из неё удобно было лазить в окно.

— И жаль, что не выбирали, — раздражённо

ответил Иван Сергеевич. — Сейчас очень бы пригодилось.

Вдруг он прислушался и в отчаянии замахал руками:

— Идут, идут... это, наверное, за мной... сестра... Не входи, не входи! — закричал он.

Но дверь широко распахнулась, и сестра Ивана Сергеевича с разгневанным видом вошла в комнату.

Джек любезно пропустил новую жертву.

— Я так и знала, что ты здесь, — возмущённо заговорила Анна Сергеевна. — А сказал, только за папиросами... Извините, я с вами и не поздоровалась, — обратилась она ко мне. — Прямо беда с ним. Молочница пришла за деньгами, а он ушёл и пропал... Ну, идём скорее... Она ждёт...

— Дорогая моя, — безнадёжно проговорил Иван Сергеевич, — мы в засаде, отсюда нет выхода.

Узнав, в чём дело, Анна Сергеевна всплеснула руками:

— Боже мой, теперь молочница решит, что я от неё сбежала. Вот скандал.

— Какая там молочница, — негодуя заговорил Иван Сергеевич. — Ты понимаешь: мы, может, здесь две недели просидим, а ты о своей молочнице...

Он тяжело опустился на диван.

Анна Сергеевна, как свежий человек, ещё не растративший запас энергии, начала придумывать план спасения.

— Идея! — вдруг воскликнула она. — Я всё придумала. Вынимайте скорее книги вон из того фанерного ящика...

— Зачем это? — запротестовали мы.

— Живо, живо! — приказала Анна Сергеевна. — Вы тут рады две недели сидеть, а я не намерена.

Пришлось повиноваться. Работа закипела. Мы выбирали книги и ставили их стопочками у стены.

Джек с большим интересом следил за нашей работой и вовсе ей не препятствовал.

Наконец огромный фанерный ящик оказался пуст.

— Теперь, Ваня, садись на корточки, — скомандовала Анна Сергеевна брату, — мы тебя накроем ящиком, ты выползешь из комнаты и позовёшь помощь.

Иван Сергеевич с ужасом поглядел на Джека.

— Анечка, а если и он под ящик залезет, ведь он меня там съест?

— Глупости! Никак он туда залезть не сможет, — ответила Анна Сергеевна. — Стыдно быть трусом.

Иван Сергеевич тяжело вздохнул и присел на корточки. Мы опустили над ним ящик.

— Ну и чудесно, — одобрила Анна Сергеевна. — Теперь ползи, а мы будем тебе говорить право или лево.

И вот на наших глазах ящик вдруг ожил. Он чуть приподнялся и, покачиваясь, пополз к двери.

Джек, до сих пор спокойно наблюдавший за нами, вскочил. Удивление и даже испуг отразились на его морде. Потом он весь ошетинился и со страшным рычанием бросился на подступавшего врага.

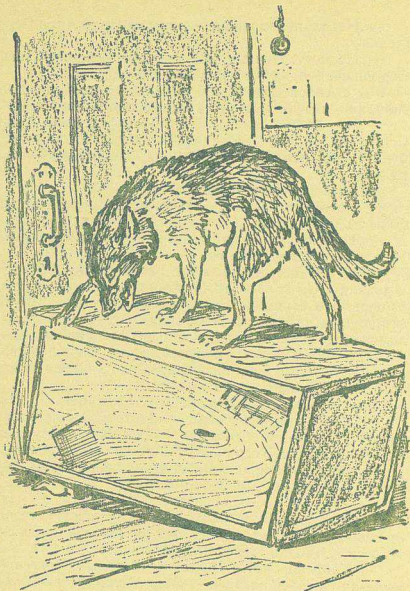
Несчастный Иван Сергеевич! Что только переживал он внутри своего «деревянного танка».

Джек царапал, грыз стенки ящика, но ничего не помогало. Ящик медленно полз всё дальше и дальше. Мы замерли, притаив дыхание.

Вот ящик подползает к двери. Джек, как вихрь, носится кругом. Всё напрасно. Ящик уже у порога. Ему только нужно немножко приподняться.

Но вдруг — прыжок, и Джек очутился на враге. Ящик сразу осел, остановился. Откуда-то, будто из подземелья, послышался испуганный крик Ивана Сергеевича:

— Я не могу двинуться. Что там случилось?

Но вдруг — прыжок, и Джек очутился на враге.

— Назад, ползи назад, — командовала Анна Сергеевна.

— Не могу. Почему так тяжело? — вопил Иван Сергеевич. — Я сейчас пополам переломлюсь.

Мы с Анной Сергеевной метались по комнате, не зная, как выручить из беды злосчастливого «танкиста».

— Что я наделала? — в отчаянии стонала Анна Сергеевна. — Я погубила его. Как же мы его кормить будем? Ведь это пытка сидеть под ящиком целых две недели.

Она без сил опустилась на стул.

И в этот миг полного отчаяния на пороге вдруг появился Николай.

— Николушка, — закричал я, бросаясь к нему. — Не уехал... Вот счастье-то!

Увидев Николая, Джек не завизжал, не бросился к хозяину. Он только дружелюбно помахал хвостом и, спрыгнув с ящика, полной достоинства походкой отправился на коврик. Всем своим видом он показывал: «Я сделал своё дело, а дальше разбирайся сам».

Как только Джек удалился, ящик снова ожил, приподнялся, и из-под него выглянуло красное от натуги лицо Ивана Сергеевича.

Взглянув на него, Николай расхохотался.

— Да вы тут превесело проводите время. А я и не думал уезжать, — обратился он ко мне. — Ну, как мой Джек, хорошо себя вёл? Ты знаешь, ведь он только что кончил сторожевую школу, вот я и устроил ему с твоего согласия маленький экзамен.

— Как — с моего согласия?

— А как же. Ведь ты же вчера согласился, чтобы он тебя покараулил. — Николай хитро улыбнулся: — Надеюсь, Джек не мешал вам здесь веселиться?

— Конечно, нет, — отозвался Иван Сергеевич, вылезая из своей засады. — Ваш пёсик презабавный. Очень жаль, что вы за ним так рано пришли!

Поздней осенью перед самым снегом иной раз бывает точь-в-точь как весной. Выглянет солнце, осветит голый, умытый дождями лес, влажную землю, чёрную слипшуюся листву в осиннике... А в это время где-то далеко в лесу на поляне вдруг забормочет тетерев, забормочет совсем по-весеннему. И не хочется верить, что до весны ещё так далеко, что впереди холода и метели и долгие тёмные ночи зимы.

Однажды в такой светлый осенний день шли мы с товарищем по лесной тропинке. Я глядел на прозрачный лес, на синее небо и шутя просил солнышко: «Не прячься за тучи, посвети хоть ещё часок!»

Мой приятель Сергей, тоже ещё молодой охотник, только посмеивался надо мной.

— Ты лучше гляди не на небо, а вниз под кусты. Заяц к зиме уже вылинял, белый весь. Его теперь легко заприметить.

Вдруг Сергей остановился и стал присматриваться к земле. «Вот чудеса-то!»

Я тоже посмотрел вниз и удивился не менее товарища. По блёклой траве, по опавшим листьям ползали пчёлы, да не две, не три, а целые десятки, может быть, сотни. Они были совсем вялые, по-зимнему полусонные, даже не пытались взлететь, только еле-еле переползали с одного листка на другой. Тут же на земле валялись обломки трухлявого дерева, облепленные воском.

Мы взглянули вверх. Перед нами росла старая полусухая осина. Чёрный дятел-желна когда-то выдолбил в её стволе большое дупло. Теперь края его были кем-то обломаны. Дупло помещалось невысоко. Сергей решил заглянуть туда. Я подсадил его до первого сука, и он взобрался к дуплу.

— Э-э, да тут целый улей! — воскликнул он, быстро спускаясь на землю. — Понимаешь, должно быть, рой из деревни улетел летом, в дупле и обосновался. Мёду пчёлы натаскали пропасть, а теперь к зиме вход в дупло залепили, чтобы не дуло. Только кто-то всё им разломал. Эх, жалко пчёл, — добавил Сергей. — Ночью как подморозит — крышка им будет.

— А кто же это наделал? — спросил я.

— Наверное, ребята баловались. Заметили дупло, полезли глядеть, что там внутри — вот и разломали.

Придя в деревню, мы рассказали о том, что видели, Ивану Ивановичу — старому пчеловоду и охотнику.

Дедушка поохал, погоревал о пчёлах, да ничего не поделаешь: в лес идти уже поздно, пришлось ждать до следующего дня.

Ночью, как и думали, крепко приморозило. Все лужи льдом затянуло, землю, траву выбелило. Утро настало яркое, всё в разноцветных огнях. Заиндевшая трава и тонкий ледок на лужах так и сверкали.

Сергей в лес идти не смог, пошли мы вдвоём с дедушкой. Иван Иванович взял с собою ведро для мёда, ружьё, захватил и свою охотничью собаку Стрелку.

— Она нам живо разыщет грабителя, — сказал старичок.

Вот и осинник, и старое дерево у самой дороги. Мы подошли поближе.

Вдруг Стрелка насторожилась, потянула носом, изо всех сил рванулась вперёд. Иван Иванович отстегнул поводок, и собака помчалась прямо к дуплистой осине. Мы — за ней.

Под деревом на земле ещё больше, чем вчера, валялось обломков, трухи и мёртвых замёрзших пчёл. Стрелка, обнюхав землю, бросилась дальше в лес, и скоро где-то вдали послышался её громкий лай. Мы поспешили на голос собаки.

Она лаяла, прыгая и вертясь под густой елью.

Иван Иванович внимательно оглядел дерево, поманил меня:

— Видишь на суку у самого ствола гнездо темнеет? Это беличье гайно. Ну-ка, стрельни в него.

— Зачем стрелять?

— Делай что говорю.

Я прицелился и выстрелил. Сверху посыпались сухая хвоя, сучки... Но из гнезда никто не выскочил. Зато Стрелка, подзадоренная моим выстрелом, ещё пуше залилась лаем.

Старик одобрительно кивнул головой, присел на корточки и стал рассматривать на земле упавшие ветки, сучки... Я ничего не мог понять.

— Поди-ка сюда, — позвал дед, — погляди хорошенько.

Я пригляделся к земле. Рядом с упавшими сучками и ветками что-то краснело вроде ягодки. Тронул пальцем. «Да это же свежая кровь!» А вот и ещё откуда-то сверху капнуло.

— То-то и есть, что кровь, — весело ответил Иван Иванович. — Полезай на дерево да скovyрни гайно, мы его тут исследуем.

Я мигом взобрался на ель, спихнул беличье гнездо и сам спустился на землю.

Стрелка так и кинулась к гайну, но окрик хозяина её сразу остановил.

Сброшенное гайно очень походило на гнездо сойки. Оно было заплетено сучьями не только снизу, но и сверху и с боков, а с одной стороны оставалось круглое отверстие. Старичок осторожно ткнул туда прутиком, но в гнезде никто не шевельнулся.

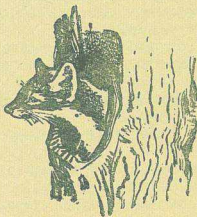
— Значит, сразу наповал, — сказал Иван Иванович и начал разламывать гнездо.

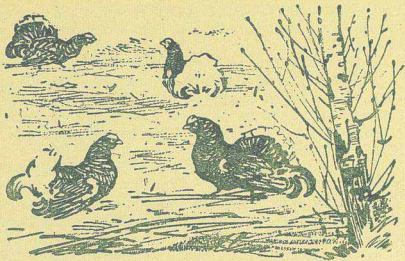
«Кто же внутри? — подумал я. — Наверное, белка. Она ведь не прочь сладким полакомиться».

Иван Иванович с силой тряхнул полуразломанное гнездо, и из него на траву вывалился тёмно-бурый зверёк гораздо крупнее белки.

— Куница! — воскликнул я.

— Она и есть, — весело подтвердил Иван Иванович. — Куница большая охотница до пчелиного мёда. Я ещё вчера по вашим рассказам понял, кто такой в дупле баловался. — Старичок кивнул головой на куницу. — Она и этой ночью опять в дупле побывала. Наелась мёду и отправилась в первое попавшееся гайно спать. Куницы всегда так делают. Только отдыхать-то ей долго не пришлось: Стрелка моя сразу её по следу разыскала, а ты её прямо в гнезде и уложил. Ну, а теперь, — добавил Иван Иванович, — идём из дупла мёд выгребать. Пчёлы всё равно уж помёрзли. Он им не нужен.

ЧУДО ТЕХНИКИ

Однажды весной мы с товарищем отправились на охоту за тетеревами; я — с ружьём, приятель — с фотокамерой.

На место прибыли только поздно ночью.

До утра просидели на полустанке, а едва занялась заря, поспешили в лес.

Чудесно в нём в эту пору ранней весны. Какой запах от влажной земли, от набухающих почек! Каждое деревце, каждый кустик тянет к вам свои ветки — «Нá, мол, понюхай и запомни потом на всю жизнь».

Начало быстро светать. Кругом зачирикали первые птички. На далёком лесном болоте звучно затрубили журавли.

И вдруг, где-то совсем близко от нас, раздалось долгожданное «чу-фшшшш...» Мы так и замерли на месте.

Снова и снова слышалось громкое чufыканье, потом хлопанье крыльев. Это тетерева слетались на токовище.

Мы начали осторожно пробираться через кусты.

Впереди уже видна поляна, и на ней взапуски бегают, гоняясь друг за другом, тетерева-косачи. Они то наскакивают один на другого с громким задорным чufыканьем, то припадают к земле и заводят длинную монотонную трель: «У-ру-ру-ру-ру...»

Пора. Я тоже начинаю чufыкать — манить к себе драчунов.

И вот один из тетеревов услышал мой призыв. Он лихо подскакивает на месте, распускает лирой хвост и бежит прямо к нам.

Я сжимаю в руках ружьё, бросаю искоса взгляд на приятеля. Он уже нацелился аппаратом. Раздаётся еле слышный щелчок — снимок сделан. Приятель готовится ко второму.

Но тетерев неожиданно приостанавливается. Дальше бежать не хочет. «Чу-фшшшш!..» — громко и вызывающе кричит он.

Я молчу. На таком близком расстоянии отвечать не следует — птицу теперь уже не обманешь, вмиг улетит — и выстрелить не успеешь.

«Да чего же ждёт мой приятель? Снимал бы скорее!»

Тетерев снова подскакивает на месте и хлопает крыльями: «А ну-ка, мол, выходи на бой!»

Я больше не в силах ждать, приподнимаю ружьё, целюсь и... вдруг над самым ухом: «Чу-фссссс!..» — точно автомобильная шина лопнула...

Косач срывается с места. Я стреляю, почти не целясь. Промач. Перепуганные тетерева разлетаются.

— Ты что же наделал? Зачем свистел? — вне себя кричу я на приятеля.

От смущения тот не знает, куда деваться.

— Да я хотел подманить поближе, — лепечет он. —
Зуб у меня со свистом. Приеду, сразу выдерну!

— Теперь хоть все повыдергай, — возмущаюсь я. — Сорвал охоту. Эх ты, свистун несчастный!

Мы возвращаемся домой в мрачном молчании. Так кончается день.

*

Но к вечеру мир между нами уже опять восстановлен, и мы как ни в чём не бывало садимся вместе проявлять фотографии.

— Ну и что же, что не убили? — весело говорит приятель. — Неужели тебе кусок мяса нужен? А ты лучше представь, какой снимок я сделал: тетерев прямо на нас бежит, крылья распустил, хвост лирой... Ведь это же память на всю жизнь!

Я невольно заражаюсь его пылом, тороплю поскорее начать проявление.

И вот лента негативов уже готова. Она промывается в воде. Потом сушится. Но нам не терпится взглянуть на последний снимок: ведь именно там и запечатлён финал нашей охоты.

— Плотноват негатив, — говорю я. — Трудно разглядеть детали.

— Не беда, — утешает приятель, — передержал немножко. Это легко исправить.

Я всё же пытаюсь разглядеть снимок.

— Ага, вот и тетерев! Какая поза! Так, кажется, и налетит сейчас. А что такое под ним внизу?

— Бугорок, — поясняет приятель. — Видишь, и кустики на нём.

— Кустики-то я вижу, но сам бугорок какой-то странный. Вот, будто два уха, и нос, и рот... Голова какая-то, а вместо волос — кусты и сверху тетерев. Что за чепуха?!

Приятель всматривается и вдруг хватается за виски.

— Ах я болван! — восклицает он. — Настоящий болван!

Я ещё толком не понимаю, в чём дело, но уже чувствую, что случилось что-то непоправимое.

— Плёнку не передвинул: два снимка на одном кадре! — в отчаянии говорит он. — Видишь: твоя голова, а на ней кусты и тетерев.

— Вот-те и снимок, и память на всю жизнь! — Я не могу больше сдерживать своего гнева и на чём свет стоит ругаю злосчастного фотографа. — Испортил охоту, да и снять-то как следует не сумел! Никуда больше с собой не возьму. И не проси лучше.

Но самое возмутительное, что приятель уже оправился от смущения. Он глядит на меня будто ни в чём не бывало, даже улыбается.

— Да ты постой, не кипятись, — весело говорит он. — Я обещал тебе и повторяю — замечательный снимок выйдет. Ты сам посуди: обычного тетерева на земле ведь каждый дурак снимет. А вот, чтобы на голове у охотника сидел, — ну, где ты такое видал? Ведь это же не просто снимок, а художественная композиция, настоящее чудо техники!

❧ НЕЖДАННЫЙ ПОМОЩНИК ❧

Я путешествовал по Кавказу, знакомился с его природой, с его разнообразным миром растений и животных.

От маленькой железнодорожной станции Коджах я прошёл вверх по долине реки Белой в глубину горных отрогов Кавказского хребта и добрался до посёлка Гузерипль.

На самом берегу быстрой реки у подножия гор приютилось несколько красивых домиков — это управление северной части Кавказского заповедника. Здесь я и решил прожить недельку-другую, чтобы побродить в окрестностях по заповедным лесам. В этих лесах водится много интересных и ценных животных. В заповеднике они находят надёжный приют и охрану человека.

Но как же увидеть их среди дремучих зарослей, в особенности теперь, когда лес ещё не сбросил листву? Кто поможет мне разыскать осторожную куницу или выпугнет из непролазной чащи редкую птицу — горного тетерева? Несколько раз я отправлялся бродить по окрестным горным лесам, знакомился с их чудесной растительностью, но, увы, из животного мира мне почти никого не удавалось увидеть. Одни только крикливые сойки всюду попадались на глаза, да изредка слышалась в лесу громкая стукотня хлопотливого дятла.

«Неужели же мне так и не удастся понаблюдать за обитателями этих заповедных мест? — с невольной досадой думал я, возвращаясь домой из лесу. — Неужели придётся писать о зверях и птицах Кавказа, даже не повидав их, а только послушав рассказы очевидцев?» Писать с чужих слов — это было очень

обидно, и я делал всё новые и новые, но такие же безуспешные попытки.

Однажды, после трудного путешествия по заповеднику, я проснулся утром довольно рано. Солнце ещё не поднялось из-за гор и под ним, цепляясь за верхушки леса, плыли сизые клочья тумана. Но небо было ясным, безоблачным, обещало погожий день.

У крыльца в палисаднике цвело много цветов. Тут же на поляне стояло несколько ульев. Я смотрел, как из них вылезали первые пчёлы. Они расправляли крылышки после ночи и потом быстро летели куда-то вдаль. А некоторые подлетали к ближайшим цветам и забирались в их чашечки, ещё влажные от ночной росы.

Всё кругом меня дышало теплом. Деревья возле дома только слегка начинали желтеть, будто в июле от сильной жары. Но стоило мне взглянуть вдаль на горы, и сразу становилось понятно, что это не лето, а осень. Внизу, у подножия гор, лес тоже был сочно-зелёным, зато чем выше, тем больше в нём появлялось жёлтых и красных пятен, и наконец у самой вершины он уже весь сплошь был ярко-жёлтым, оранжевым. Одни сосны да пихты темнели густой зелёной щёткой. И за них цеплялись плывущие вверх клочья тумана.

Я так засмотрелся на эти горы, что даже вздрогнул, когда кто-то слегка толкнул меня в бок. Я обернулся. Возле меня на крыльце сидела собака, по виду помесь легавой с дворняжкой. Она виновато глядела мне прямо в глаза, слегка приседала на передние лапы и часто-часто стучала обрубком хвоста по доскам крыльца. Я погладил её, и она, вся задрожав от радости, припала ко мне и лизнула руку влажным розовым языком.

— Ишь, без хозяина скучает, — сказал, останавливаясь у крыльца, старичок рабочий.

— А где же её хозяин?

— Рассчитался и уехал домой, в Хамышки. А она, видно, отстала. Вот и не знает, куда голову преклонить.

— А как её звать?

— Альмой зовут, — ответил старик, направляясь к сараю.

Я вынес хлеба и покормил Альму. Она, видно, была очень голодна, но брала хлеб аккуратно и, взяв кусочек, убегала в ближайший куст сирени. Съест и опять вернётся. А сама так и глядит в глаза, будто хочет сказать: «Покорми, мол, ещё — очень есть хочется». Наконец она наелась и с наслаждением улеглась на солнышке у моих ног. С этого дня у нас с Альмой завязалась крепкая дружба. Бедняга, очевидно, признала во мне нового хозяина и ни на шаг не отходила от меня.

— Умный пёс, учёный, — хвалили Альму в посёлке. — По зверю и по птице может работать. Хозяин-охотник всему её обучил.

Как-то раз мы с наблюдателем заповедника, Альбертом, решили подняться в горы. Альма, видя, что мы куда-то собираемся, взволнованно вертелась под ногами.

— Взять её или не надо? — спросил я.

— Конечно, возмём, — ответил Альберт. — Она скорее нас кого-нибудь из зверей или птиц разыщет.

Наши сборы были недолги. Захватили с собой бинокль, немного еды и двинулись в путь.

Альма весело бежала впереди, но далеко в лес не уходила.

Сразу же за посёлком начался подъём. Зная, что я совсем не мастер лазать по горам, Альберт шёл еле-еле, и всё же мне казалось, что он бежит. Наконец, видимо не будучи в силах плестись так же, как я, мой спутник уселся на камне.

— Вы идите вперёд, — сказал он, — а я покурю и вас догоню.

Так своеобразно проходил наш подъём. Я еле-еле плёлся вверх, а Альберт курил, сидя на камне или на пне. Когда я уходил от него метров на сто, на двести, он поднимался и в несколько минут догонял меня. Догонит и опять усядется покурить. Когда мы поднялись на первый перевал, Альберт показал мне пустую папиросную коробку.

— Вот видите, — улыбаясь, сказал он, — целую пачку из-за вас выкурил.

Наконец мы вошли в сплошной пихтовый лес. Тут было тихо и сумрачно, только попискивали где-то в вершинах синицы.

Неожиданно громкий лай заставил меня приостановиться.

— Это Альма кого-то нашла, — сказал Альберт, — идёте посмотрим.

Мы прошли метров двадцать и увидели собаку. Она стояла под высокой пихтой и лаяла, глядя вверх.

— Белка, белка вон на сучке сидит, — показал Альберт.

Действительно, на нижнем сучке метрах в пяти от земли сидел серый пушистый зверёк и, нервно вздрагивая хвостом, сердито цокал на собаку: «Цок-цок-цок!»

Альберт подошёл к дереву и легонько стукнул по нему рукой. В один миг белка стрелой взлетела вверх по стволу и скрылась в густой кроне ветвей. Но я уже успел хорошо разглядеть зверька в бинокль: шкурка у него была совсем серая, а не рыжеватая, как у наших подмосковных белок. Я с большим интересом рассмотрел зверька. Ведь раньше на Кавказе водилась только кавказская белка — зверёк поменьше нашей белки с очень скверной рыжевато-серой шкуркой. Кавказскую белку местные охотники не добыва-

ли на пушнину. Но в последние годы с Алтая на Кавказ в Тиберду были завезены и выпущены алтайские белки с прекрасным дымчато-серым мехом. Эти зверьки поразительно быстро размножились в новых местах и расселились по кавказским лесам далеко за пределы Тиберды. Теперь их сколько угодно не только в северной части кавказских лесов, но также и в южной. И местные охотники могут уже начать беличий промысел.

Отозвав от дерева Альму, мы отправились дальше. Не прошло и получаса, как она подлаяла вторую, а потом третью, четвёртую белку. Однако нам не приходилось сворачивать с тропы, чтобы отзывать собаку. Достаточно было свистнуть несколько раз, как она сама возвращалась.

Но вот Альма снова залилась в лесу громким лаем.

Мы посвистели — нет, не подходит. Альберт прислушался.

— Что-то уж больно азартно лает, — сказал он. — Похоже не на белку; может, куницу нашли?

Нечего делать. Пришлось опять свернуть с тропы и пробираться через густые заросли рододендрона. Наконец выбрались на полянку. Посередине её стояла столетняя пихта. Альма металась под деревом, вся оцетинилась, захлёбываясь от злости.

Мы подошли к самому дереву и начали осматривать сучья и ветки. Почти у самой вершины в развилке между двумя толстыми суками я заметил что-то серовато-бурое: не то гнездо, не то какой-то нарост на дереве. Концы ветвей склонялись вниз и мешали рассмотреть, что это такое. Я вынул из сумки бинокль, взглянул вверх и поспешно передал бинокль Альберту.

Он тоже навёл его на тёмный предмет, видневшийся на вершине дерева, но тут же отдал мне би-

нокль обратно, огляделся по сторонам и снял с плеча карабин. В бинокль можно было легко разглядеть притаившегося между суками небольшого медвежонка. Он сидел, обхватив передними лапами ствол дерева, и внимательно смотрел вниз на собаку.

— Идёмте-ка поскорее отсюда, — сказал Альберт, поймав Альму и взяв её на поводок, — а то как бы «сама» не пожаловала, может нам здорово «причёску» попортить.

— А разве «это» нам не поможет? — указал я на карабин.

— В крайнем случае, конечно, поможет, — ответил Альберт, — только ведь в заповеднике бить зверя не полагается. Да и этот малыш, на кого он тогда останется? Ещё дитя малое, ишь, как притулился.

Когда мы отошли подальше от поляны, с вершины пихты раздался громкий призывный крик, похожий на детский плач, — медвежонок звал свою мать.

— Не кричи, потерпи малость, сейчас заявится, — улыбнулся Альберт.

И действительно, вдали уже слышалось тревожное ворчание и хруст валежника под ногою тяжёлого зверя.

Мы поспешили удалиться, чтобы не помешать этой трогательной, но мало приятной для посторонних встрече.

Чем выше мы поднимались по склону, тем чаще на полянах и по ложбинам среди пихт попадались участки высокогорного клёна. Наконец мы выбрались в субальпику — на границу леса и альпийских лугов.

Здесь пихты и клёны встречались всё реже и реже, их сменило высокогорное берёзовое криволесье. На полянах густо разросся рододендрон. С тропы невозможно было свернуть. Неожиданно Альма повела носом, но не кинулась со всех ног, как за белкой. Наоборот, вся вытянувшись, она стала осторожно красться среди ползущих по земле гибких стеблей. С трудом пробираясь сквозь заросли, мы следовали за собакой. Было интересно узнать: кого же она почуяла и почему не бежит, а так осторожно крадётся?

Альберт на всякий случай снял с плеча карабин. «Уж не медведь ли? Здесь, в зарослях рододендрона, ему очень легко затаиться». Но вряд ли собака станет его так странно, по-кошачьи, выслеживать.

Вдруг Альма остановилась как вкопанная среди густых непролазных зарослей. Сомнений не было — собака стояла на стойке.

Я скомандовал: «Вперёд!»

Альма рванулась, и из-под кустов с треском взлетел горный тетерев. На лету он был очень похож на нашего обыкновенного косача, только как будто немного поменьше. Тетерев полетел низко, над самыми зарослями, и скрылся в березняке. А Альма всё так же стояла на стойке. Потом она обернулась к нам, будто спрашивая: «Почему же вы не стреляли?»

— Нельзя стрелять, — погладив собаку, сказал я. — Ведь мы в заповеднике.

Но Альма, конечно, не могла понять моих слов. В этот день она находила нам то белок, то медвежонка, а мы всё отзывали её. Видимо, это было не то, чего мы искали. Наконец она нашла такую дичь, за которой нельзя гнаться по следу с лаем, а нужно осторожно подкрасться к ней. И Альма подкралась. По команде «Вперёд!» она выпугнула дичь и снова осталась на месте. Она сделала всё, как её учил старый хозяин, но новый хозяин почему-то и тут не выстре-

лил. Альма явно недоумевала, что же теперь от неё хотят.

А мы тоже не могли объяснить ей, что нам ничего убивать не надо. Нужно только видеть — какие звери и птицы населяют этот заповедный лес. И Альма прекрасно помогла нам. Мы оба были очень довольны. Однако охотничья страсть нашей четвероногой помощницы была совсем не удовлетворена, и на обратном пути Альма уже почти не искала ни зверя, ни птицы. Ведь всё равно мы ни в кого не стреляли. Собака уныло плелась позади нас до самого дома.

Это путешествие в горы оказалось для меня очень трудным, и я без сил опустился на крылечко. Альма села рядом и грустными внимательными глазами смотрела на меня. Казалось, она хотела угадать, что же мне всё-таки от неё нужно. Наконец она нерешительно встала, посмотрела на дверь. Я открыл её.

Альма побежала в комнату и через секунду вернулась назад. В зубах она держала мою тапочку.

«Может, тебе это нужно?» — казалось, спрашивала она.

— Вот так умница, — обрадовался я, снимая тяжёлый горный ботинок и надевая лёгкую тапку.

Альма со всех ног бросилась в комнату и принесла мне вторую. Я погладил и поласкал собаку.

«Так вот какая дичь нужна ему», — видно, решила она и стала тащить мне из комнаты всё подряд: носки, полотенце, рубашку.

— Довольно, довольно, — смеясь, кричал я, но Альма не унималась, пока не перетаскала всё, что только смогла достать и принести.

С тех пор она начала прямо изводить меня. Стоило только мне забыть запереть в комнату дверь, и Альма уже тащила оттуда что-нибудь из одежды. Так она старалась угодить мне целый день. А ночью она спала на крыльце возле моей комнаты и никого ко мне

не впускала. Но дружбе нашей скоро должен был наступить конец. Я уезжал из Гузерипля в Майкоп, а оттуда в южный отдел заповедника. Я решил взять Альму с собой и, проезжая через Хамышки, отдать её хозяину.

Наконец мы тронулись в путь. Дорога была отвратительная. Я положил вещи на подводу, а сам шёл впереди пешком. Альма весело бегала возле дороги.

Но вот в долине показались и Хамышки.

«Как-то встретит Альма своего старого хозяина?» — невольно думал я с каким-то ревнивым чувством.

На краю посёлка белеет домик, где он живёт. Мы подъехали. Сам хозяин возился тут же с повозкой. Заслышав стук колёс, он обернулся и увидел собаку.

— Альмушка, откуда ты взялась? — радостно воскликнул он.

Альма на секунду приостановилась и вдруг со всех ног бросилась к хозяину. Она визжала, прыгала ему на грудь, видимо не зная, как и выразить свою радость. Потом, будто что-то припомнив, бросилась к нашей повозке, вскочила на неё, и не успел я опомниться, как Альма схватила в зубы лежавшую на соломе мою шапку и понесла её своему хозяину.

— Ах ты, негодница! — рассмеялся я. — Теперь от меня всё тащишь. Давай-ка сюда обратно.

Я подошёл и наклонился к собаке, чтобы взять у неё свою вещь. Но Альма, положив её на землю, крепко прижала лапой и, оскалив зубы, сердито на меня зарычала. Я был изумлён.

— Альма, да ты что же, не узнала меня? Альмушка!

Но собака меня, конечно, узнала. Она прилегла к земле, виновато глядела в глаза, виляла своим обрубок хвоста; она как будто просила простить её, но шапку всё-таки не отдавала.

— Можно, отдай, отдай, — разрешил хозяин.

Тогда Альма весело взвизгнула и охотно разрешила взять мне её поноску.

Я погладил собаку. Она смотрела на меня так же ласково и дружелюбно. Но я чувствовал, что теперь она нашла своего настоящего хозяина, которому будет повиноваться во всём.

— Умница пёсик, — сказал я. И мне не было больше обидно, что Альма так легко променяла меня на другого. Ведь тот, другой, вырастил, воспитал, обучил её, и ему одному она отдала навек всю свою преданность и любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Джек	6
Кот Иванович	17
Сиротка	23
Дружба	26
Пушок	28
Воришка	31
Белая шубка	34
Догадливая синичка	37
Заботливая мамаша	39
Аистята	42
Ушан	47
В зелёной корзиночке	51
Передышка	55
Глазастик	59
Длинноносые рыболовы	64
За селезнями	66
Замечательный сторож	69
Сластёна	77
Чудо техники	81
Нежданный помощник	85

Для начальной школы

Скребицкий Георгий Алексеевич
ДРУЗЬЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Рассказы

Ответственный редактор С. В. Орлеанская. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор Н. В. Сучкова.

Корректоры В. К. Мирингоф и А. Б. Стрельник.

Сдано в набор 9/IV 1968 г. Подписано к печати 3/VII 1968 г. Формат 60×92¹/₁₆ — 6 печ. л.

Цена 2 р. 45 к. (4,09 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз.

Детгиз, Москва, М. Черковский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 406.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

В 1958 году в серии «Школьная библиотека» для детей младшего школьного возраста выйдут в свет следующие книги современных писателей:

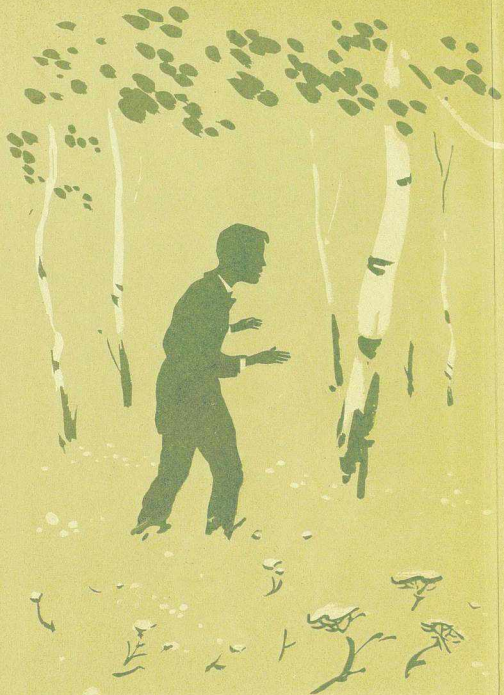
Соболев Л.	Батальон четверых.
Рассказы о моряках
Кассиль Л.	Есть на Волге утёс.
Рассказы о советских людях
Осеева В.	Отцовская куртка.
Рассказы о ребятах, об отношении их к взрослым, о чувстве долга
Василенко И.	Рассказы.
Рассказы из времён гражданской и Великой Отечественной войн
Новогрудский Г.	Дик с 12-й Нижней.
Повесть из жизни американской рабочей семьи
Носов Н.	Весёлые рассказы и повести.
Шаров А.	Маленькие становятся большими.
Рассказы о воспитанниках детского дома-коммуны в первые годы советской власти
Сборник	Солдатский подвиг.
Рассказы о Советской Армии
Сборник	Так поступают пионеры.
Документальные рассказы о пионерах

Обращайтесь за этими книгами в школьные библиотеки.

2

42136

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДОУГА" ЛАТВИЯ
БИБЛИОТЕКА~~

2002

Цена 2 руб 45 коп.